

www.dontsova.ru

Дарья Донцова

Мродюсер
Козьей

Морды

Агентъмен сыскъ
Иван Подушкин

Джентльмен сыска Иван Подушкин

Дарья Донцова

Продюсер козьей морды

«ЭКСМО»

2008

Донцова Д. А.

Продюсер козьей морды / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2008 — (Джентльмен сыска Иван Подушкин)

ISBN 978-5-699-25949-6

Вот это пассаж! Иван Подушкин вынужден сменить благородное имя! И на какое! Теперь он Владимир Задуйхвост. А все потому, что джентльмен сыска ушел от своей хозяйки Элеоноры, обидевшись за то, что она поверила злым наветам. К ней явилась пятнадцатилетняя нахалка Варвара и заявила, что Иван является отцом ее годовалой дочери. Каково, а? Ваня ушел в чем был, без паспорта. С горя надравшись, утром он очнулся у братьев-циркачей Морелли. Они и выправили ему новый паспорт. Теперь он у них конферансье, продюсер и... катала! Обыгрывает в покер на пару с обезьяной Мими дураков. Но Иван Павлович все же хочет реабилитировать свое честное имя. В поисках Вари и ребенка он вышел на Центр «Мария», где с детьми творятся странные вещи. А основал этот центр... Иван Павлович Подушкин! Кто он? Его тезка или самозванец?..

ISBN 978-5-699-25949-6

© Донцова Д. А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дарья Донцова

Продюсер козьей морды

Глава 1

Если женщина не хочет иметь с тобой ничего общего, значит, она у тебя уже все отобрала.

Я мирно разбирал бумаги общества «Милосердие», когда раздался звонок моего мобильного. Очевидно, слишком теплый и погожий для Москвы июнь подействовал на меня расслабляюще, поэтому вместо привычной фразы: «Подушкин слушает» – я игриво произнес:

– Аллю, что веселого скажете?

– Ты пьян? – возмутилась Николетта.

Хорошее настроение мигом испарилось, в последнее время маменька постоянно заводит разговоры о моем алкоголизме. Только не подумайте, что я забуддыга, проводящий большую часть времени в обнимку с канистрой самогона. Я не злоупотребляю горячительными напитками, пара порций хорошего коньяка, которую позволяю себе по вечерам, не в счет. Но полгода назад Николетта стала при каждой возможности горько вздыхать и с трагической интонацией заявлять:

– Боже! В жизни много горя, но есть люди, которым всемогущий Господь отсыпает неприятности, забыв про меру. Это я! Мальчик – пьяница! Кто может быть хуже?

Последний вопрос, заданный с мелодраматическим всхлипом, явно риторический, маменька вовсе не желает получить на него ответ, а я порой с трудом сдерживаюсь, ловлю на кончике языка вполне справедливое замечание: «Кто хуже алкоголика? Наркоман, убийца, садист, сексуальный маньяк, впрочем, даже обычный мужик, не совершающий противозаконных поступков, но сидящий на шее у матери-пенсионерки, потому что „честному человеку трудно устроиться на хороший оклад“ – тоже, на мой взгляд, порядочный гад».

Хотя можно ли назвать нормальным мужиком того, кто существует за счет пожилой дамы? Ладно, долой отступления, сейчас речь идет обо мне и Николетте, а я никогда не пользовался ее кошельком. С одной стороны, я не имею склонностей альфонса, с другой... Выпросить у Николетты даже копейку невозможно, она не принадлежит к армии бабушек, которые, получив пенсию, несутся покупать любимым внукам фрукты и познавательные книжки. Правда, внуков у маменьки нет. Я не женат и не настроен вешать на шею ярмо брака. Что же касается стенаний об алкоголизме, то я великолепно понимаю, откуда у «проблемы» ноги растут. Николетта обожает быть объектом жалости. После смерти моего отца, популярного в советские годы писателя Павла Подушкина, маменька без устали рассказывала окружающим о своей «нищете». У нее не было белого «Мерседеса», раритетной шубки из розовой шиншиллы, а количество бархатных коробочек в секретере после того, как ушел из жизни муж, к ее глубокому сожалению, не увеличилось. Николетте не повезло так, как ее зачатой подруге Коке, вот у той зять – владелец нефтяных скважин, и маменька на фоне тещи олигарха чувствовала себя казанской сиротой. Только не подумайте, что несчастная вдова литератора стояла у метро, продавая пирожки собственного изготовления. Николетта не умеет готовить, хозяйством у нее занимается домработница, а еще я всегда давал ей деньги. Другое дело, что достаточной эта сумма казалась только мне, Николетта же постоянно повторяла:

– Ужасно жить в нищете, – чем будила во мне комплекс неполноценности.

Увы, я не способен поднять собственное дело, работаю секретарем у весьма успешной бизнесвумен Элеоноры, а заодно являюсь сыщиком в созданном ею же частном детективном

агентстве «Ниро». Поэтому о белом «Мерседесе» и прочих внешних атрибутах богатства Nicolette приходилось лишь мечтать, и тут судьба послала ей Владимира Ивановича¹.

Сейчас Nicolette имеет все: шикарный «Бентли», раритетные драгоценности, платиновую кредитку, а шубы она давно перестала считать. Жить бы да радоваться, но маменьке не угодишь. Дело в том, что она потеряла статус «несчастненькой», ну кому захочется жалеть женщину, летающую в Париж на частном самолете только для того, чтобы вечером посидеть на концерте в знаменитой «Опера»? Какой, скажите, надо отыскать повод, чтобы воскликнуть: «О! Бедная Нико! Ей так не везет, живет в страданиях, мужественно переносит все несчастья».

Сетовать на слишком мелкие бриллианты? Рыдать из-за того, что в Африке запретили отстрел уникальных антилоп-альбиносов и теперь ей уже никогда не купить манто из их шкур? Вы испытаете сочувствие к подобной даме? То-то и оно! А маменьке необходима жалость, и она сумела-таки найти выход из положения: объявила меня алкоголиком. Стоит мне на глазах у Nicolette взять рюмку с коньяком, как раздаётся возглас:

– Вава! Помни о своем здоровье, твои сосуды давно подточены безудержными возлияниями. Не рви сердце матери, не пей!

При этом учтите, что Nicolette бывшая актриса, учили ее в советские времена, а тогда еще были живы уникальные преподаватели сценической речи. Поэтому театральный возглас маменьки слышен не только в гостиной, его слышат люди в соседних домах. Двух «выступлений» Nicolette хватило для того, чтобы по тусовке полетела сплетня: ни к чему не пригодный Вава Подушкин пьет горькую, несчастная Nicolette, нет ей радости в жизни, она, правда, весьма удачно вышла замуж за богача, но сын-алкоголик скоро сведет ее в могилу.

– Вава, – стонала в трубку маменька, – посмотри на будильник! Который час?

Странный вопрос, если хочешь уточнить время, можно и самой бросить взгляд на циферблат, но жизнь с Nicolette приучила меня ничему не удивляться.

– Без пяти минут полдень, – спокойно ответил я.

– Раннее утро на дворе, а ты уже навеселе, – сказала маменька и драматично всхлипнула.

На беду, я обладаю острым слухом, поэтому уловил доносящееся из трубки тихое покашливание и характерный хруст фольги. Маменька любит по утрам съесть свежеспеченную булочку из кондитерской «Мале»², их привозят ей на дом в коробке, тщательно запакованной в металлизированную бумагу. Сейчас Nicolette, рыдая над сыном-пьянчугой, одновременно попивает кофий, а кашляет, очевидно, Кока, которая сидит рядом. Дамы явно собрались совершить набег на магазины.

Внезапно мне стало жутко обидно, и я резко ответил:

– Ты великолепно знаешь, что я практически не пью.

– Вава! Не сердись на мать! Я переживаю за твою судьбу, – отбила подачу Nicolette.

Я постарался обрести душевное равновесие. Еще прошедшей зимой Nicolette старалась не предавать огласке тот факт, что у нее есть сын, мягко говоря, не юного возраста. Не так давно я на время стал героем прессы³, пришлось давать интервью, и один из журналистов поинтересовался:

– Сколько вам лет?

Поскольку никаких причин скрывать свой возраст у меня нет, я честно озвучил цифру.

– Но ваша... э... мама... – забормотал обалдевший писака, – получается... она моложе вас!

Я на секунду растерялся, потом решил обратить дело в шутку, но тут Nicolette разинула рот и произнесла историческую фразу:

¹ См. книгу Дарьи Донцовой «Пикник на острове сокровищ», издательство «Эксмо».

² Название выдуманно автором, совпадения случайны.

³ См. книгу Дарьи Донцовой «Мачо чужой мечты», издательство «Эксмо».

– Да! Сын старше матери, и, если честно, это обстоятельство мне совершенно не нравится!

Это был один из редких случаев, когда Николетта призналась в своем материнстве прилюдно. Хотя, согласитесь, смешно в компании тех, кто общается с тобой всю жизнь, прикидываться несколько десятилетий молодой бездетной девушкой. Светское общество знает о наших родственных отношениях, и тем не менее маменька всегда звала отпрыска лишь «Вава». Но в последнее время Николетта стала обращаться ко мне «сыночек», и это понятно: нельзя же считаться матерью алкоголика, не имея чада.

– Твое поведение ранит мое любящее сердце, – простонала Николетта и отсоединилась.

Попытка сосредоточиться на бумагах не увенчалась успехом. Мобильный ожил вновь.

– Подушкин слушает, – официально ответил я.

– Фу-ты ну-ты! – ехидно отозвалась Николетта. – Как красиво! Впрочем, сразу понятно, что у аппарата сам мерзавец и негодяй!

В первую секунду я изумился. Николетта никогда не опускается до брани. «Мерзавец и негодяй!» Это не ее репертуар! Маменька предпочитает роль «бедной козы», и с ее помощью она добилась многого. Начни она рыдать и требовать на дом врача, потому что из-за пьяницы Вавы у нее случился инфаркт, инсульт, рак, туберкулез, язва желудка, кессонная болезнь⁴ и далее по списку, я бы не удивился. Но столь откровенное хамство! Я испугался, все-таки Николетта немолода, вдруг у нее и впрямь нелады со здоровьем?

– Думал скрыться? – вопила маменька. – Решил отказаться от ребенка! А не вышло!

Я окончательно растерялся.

– Прости, но что ты имеешь в виду?

– Гоблин! – взвизгнула Николетта.

И только тут, услышав непривычное для госпожи Адилье слово, я сообразил: на том конце провода абсолютно неизвестная мне женщина, просто тембр ее голоса напоминает маменькин.

– Вы ошиблись номером, – вежливо ответил я.

– Не строй из себя невинную овцу, – еще сильнее обозлилась девица.

– Скорей уж барана. – Я решил слегка разрядить ситуацию.

– При чем тут муж козы? – опешила собеседница.

– Овцы! – терпеливо поправил я. – Эта особь строит семью с бараном, а коза пара козлу!

– Слушай меня внимательно, – прошипела незнакомка, – ты сам себе нагадил. Если до сих пор я хотела уладить дело миром, то после твоих хреновых шуточек всякое желание идти тебе навстречу пропало. Теперь получишь по полной программе, заплатишь мне за моральный ущерб! Еще алименты на новорожденного! Хочешь сесть в тюрьму?

Я покосился на определитель, в окошечке светились одни нули, сумасшедшая баба звонила либо из телефона-автомата, либо у нее так называемый скрытый номер. Все ясно! Я стал жертвой телефонной террористки, увы, так просто от психопатки не отделаться! Возможно, мне даже придется сменить SIM-карту.

– Тебе светит хороший срок! – с нескрываемым злорадством заявила хамка.

– За отцовство? – не выдержал я. – В Уголовный кодекс со вчерашнего дня внесена статья, карающая мужчину, который сделал ребенка?

Не успело прозвучать едкое замечание, как я пожалел о совершенной глупости. Ведь хорошо знаю: если в тебя вцепился «шутник», ни в коем случае нельзя поддерживать беседу, нужно немедленно отсоединиться и ехать в офис телефонной компании за новым номером. Едва террорист почувствует, что его усилия достигли цели, жертва занервничала, он утроит свои старания и превратит вашу жизнь в ад, начав трезвонить с утра до ночи.

⁴ Кессонная болезнь – эта напасть случается с водолазами, которые нарушают правила пребывания под водой и подъема на ее поверхность.

– Ах ты... – заорала баба.

Я живо отключил телефон и предпринял очередную попытку сосредоточиться на бумагах. Так, посмотрим, что у нас там. Алевтина Петровна Селезнева, болезнь Альцгеймера. Элеонора оплачивала для молодой, но потерявшей разум женщины сиделку, а потом перевела больную в коммерческий приют. Моя хозяйка молодец, она умеет считать деньги и, активно занимаясь благотворительностью, не хочет быть расточительной. Содержание Селезневой в медицинском учреждении обходится дешевле, чем индивидуальный присмотр. Так, здесь все в ажуре, плата внесена по июль. Едем дальше. Сергей Олегович Ефимов, ветеран первой чеченской войны, просил протез ноги, но только не российского производства. Что тут за пометки? Он имел протез, сделанный во Франции, лишился его вследствие драки, наркоман со стажем. Элеонора поставила Сергею условие: либо он лечится от дурной привычки, либо до свидания. Может, кому-то Нора и покажется жестокой, но она считает, что человеку можно и нужно дать шанс, однако потакать любителю героина она не станет. Ага, вот и квитанция из клиники. Сергей Ефимов сделал правильный выбор: он проходит курс детоксикации.

Я аккуратно уложил бумаги ветерана в папку и взял следующее дело. Людмила Константиновна Воронко, 15 лет, сирота, просит денег на обучение в колледже, хочет стать дипломированным юристом. Что ж, у девочки благие намерения, другие в ее возрасте мечтают «попасть в телевизор», стремятся на сцену, а Люда нацелена на получение образования. Но Нора ей отказала. Интересно, почему?

Я полистал бумаги и тут же вспомнил Воронко. Как секретарь общества «Милосердие», я производю тщательную проверку всех, кто претендует на материальную помощь. Вы представить себе не можете, какое количество людей путает благотворителя с Дедом Морозом. Мне приходится ежедневно читать слезные письма, и всякий раз я не перестаю удивляться человеческому желанию решить свои проблемы за чужой счет. «Купите мне машину, а то на метро ездить ломает», «у меня старая мебель, поэтому не могу выйти замуж», «нашей семье необходима дача, так как муж смертельно болен алкоголизмом»... Послания нумеруются, подшиваются, а потом я отправляю людям ответ: «Ваша просьба рассмотрена на собрании совета общества „Милосердие“. К сожалению, мы не можем помочь вам с покупкой машины (дачи, мебели, бриллиантового кольца, шубы). С уважением, секретарь И.П. Подушкин».

Каждый раз, ставя на стандартном бланке закорючку, я испытываю огромное желание добавить внизу пару строчек от себя. Нацарапать нечто типа: «Дорогая моя! Тебе тридцать лет! Перестань ходить по миру с протянутой рукой, сама заработай себе на мебель, не клянчи подачки, лучше найди хорошо оплачиваемую работу и паши с утра до вечера. Непременно увидишь результат, в доме появятся новые шкафы, но замуж они тебе выйти не помогут, дело не в мебели, а в характере. Вспомни Золушку, она день и ночь проводила на кухне, среди грязных кастрюль и все равно сумела познакомиться с принцем и попасть во дворец».

Но, как понимаете, подобный пассаж невозможен. Среди массы наглых просьб попадают и настоящие крики о помощи. И вот тогда Элеонора отправляет Ивана Павловича осуществить, так сказать, разведку на месте. Иногда мне приходится делать малоприятные открытия, как в случае с девочкой Людой, сиротой, попросившей денег на образование. Прибыв по указанному адресу, я на самом деле обнаружил бедно обставленную, маленькую, но чистенькую квартиру и пятнадцатилетнее конфетно-зефирное создание. У девочки была очень светлая кожа, почти белые волосы, глаза-незабудки и тихий-тихий голосок. На первый взгляд она напоминала ангела, на второй – черта.

Людочка не соврала, она действительно была сиротой, но жила не в приюте, а в любовно свитом родной бабушкой гнездышке. Старушку звали Феодосия Ивановна, и она изо всех сил старалась, чтобы у внучки было все, как у других детей. Феодосия Ивановна – человек старого склада, поэтому она покупала Людочке одежду сообразно своим вкусам: белый верх, черный низ, капроновые бантики, не отпускала ее на дискотеки, не купила девочке мобильный, ведь в

газетах пишут, что он провоцирует рак. Зато бабушка накопила денег на репетиторов и отправила Людочку на дополнительные занятия. Десятый и одиннадцатый классы ученица должна была провести в одном из лучших колледжей Москвы, выпускные экзамены в нем одновременно являются вступительными в престижный вуз. Попасты в колледж на бесплатное отделение трудно, нужно пройти тесты и другие испытания. Вот Феодосия Ивановна и решила подготовить Людочку.

Мой приход чуть не убил старушку.

– Деньги на обучение? – непонимающе вопрошала она. – Мы не просили, я никогда не попрошайничаю. Люда, иди сюда!

Через десять минут выяснилась нелицеприятная правда. Внучка обманула бабушку, ни на какие дополнительные занятия она не ходила, а деньги, которые Феодосия Ивановна давала ей на оплату репетиторов, тратила на косметику, кино, запрещенные гамбургеры да жвачку. И у нее теперь имелся мобильный, рваные джинсы и майки с вульгарными надписями. Хорошо оторвавшись на с трудом сэкономленные бабушкой средства, Людочка сообразила: дело пахнет керосином, в колледж на бесплатное место ей не попасть. Когда внучка провалится на вступительных экзаменах, бабуля придет в ужас, решит призвать репетиторов к ответу, и правда выплывет на свет божий. Девчонка призадумалась и решила разрешить проблему за счет общества «Милосердие», всем же понятно, в этой организации сидят богатые идиоты, которым некуда девать награбленные у народа деньги. Ясное дело, никакой дотации Людмила не получила. Мне не жаль было девчонку, а вот на Феодосию Ивановну я старался не смотреть, у несчастной пенсионерки во время нашей беседы с лица не сходило выражение оторопи и ужаса. Пообщаешься с такой семьей, посмотришь на Людочку и невольно подумаешь: а хорошо, что у меня нет детей, похоже, горя от наследников больше, чем радости.

– Ваня! – закричала Нора.

Я сложил папки в стопку и пошел на зов.

Глава 2

– Чем занимаешься? – без улыбки спросила Нора.

Предложения сесть не последовало, поэтому отчитываться о проделанной работе я начал стоя, великолепно понимая, что сейчас разразится буря.

Как все дамы, Элеонора подвержена перепадам настроения. Но у моей хозяйки они связаны не с гормональным фоном, фазами Луны и погодой. Элеоноре плевать, стоит на улице пятидесятиградусная жара или Москву завалил трехметровый слой снега. В состоянии повышенной раздражительности хозяйка находится в тот период, когда в детективном агентстве «Ниро» нет клиентов. Напомню, сейчас на дворе июнь, основная часть народа планирует отпуск либо уже проводит его на море или дачных участках. Погода стоит на редкость замечательная, поэтому все проблемы отложены людьми до начала осенней депрессии. Элеонора находится в простое. Ну, держись, Иван Павлович!

– Надеюсь, все бумаги в порядке? – процедила она, когда я отчитался.

– Сложены в папки, подшиты, снабжены комментариями, – отрапортовал я.

– На письма дал ответ? – Элеонора упорно искала недочеты.

– Так точно! – рявкнул я.

– Прекрати, – поморщилась хозяйка, – и немедленно сядь, что за демонстрация!

Я опустил на стул.

– Ты знаешь Варвару Чижову? – вдруг спросила Нора.

– Нет, – удивился я, – а кто она такая?

Нора побарабанила пальцами по столу.

– Девушка.

Я отвел глаза в сторону. Хороший ответ, а то я наивно полагал, что человек по имени Варвара является здоровенным мужиком с окладистой бородой.

– Не припоминаешь ее? – изогнула бровь Элеонора. – Чижова. Напрягись!

Я попытался вспомнить.

– Минуточку. В этом году я точно ею не занимался.

– Уверен?

– Абсолютно! Хотя...

– Что? – обрадовалась Элеонора. – Память вернулась?

– Если разрешите, я пойду посмотрю копии отказов, вполне вероятно, что Варвара Чижова рассчитывала на бриллиантовую диадему ко дню рождения, – улыбнулся я.

Но Элеонора не оценила шутку.

– Нет, – сурово перебила она меня, – Чижова просила денег на роды и, по ее словам, получила немалую сумму наличными. Младенец появился на свет в хороших условиях, ему сейчас почти год.

– Ага, – закивал я, – мне надо порыться в папках из архива. Прямо сейчас этим и займусь. Но если Чижовой была оказана помощь, то что случилось?

– У Варвары дочь, – процедила Элеонора, – Нина.

– Красивое и редкое нынче имя, – кивнул я, не понимая, куда клонит хозяйка.

– К сожалению, девочка больна.

– А-а-а! Ясно!

– И что ты понял? – неожиданно покраснела Элеонора.

– Варваре нужны средства на лечение. Но вы ведь оказываете регулярную помощь только в редких случаях, не хотите превращать фонд в дойную корову. Человек должен сам решать свои проблемы, иначе он станет захребетником. Чижова получила деньги на роды, теперь ей

потребовались средства на врача, следующий этап – оплата детского сада, школы. Вы же терпеть не можете подобные ситуации!

– У Нины серьезная болезнь! – перебила меня Нора.

– Бедняжка, – покачал я головой, – хотите, чтобы я связался с хорошим педиатром?

– Нет, Ваня, – тихо сказала Элеонора, – я желаю услышать от тебя правду.

– Какую? – изумился я.

– Про Варвару Чижову, – начала злиться хозяйка.

Я встал.

– Разрешите поднять архив?

– Зачем?

– Не помню дело Чижовой, сейчас я принесу ее папку.

– Не надо!

– Но почему?

– Иван Павлович! Мне нужна правда про Варвару Чижову, – с упорством, достойным лучшего применения, настаивала Нора.

– Мне необходимо взять папку, – тупо повторил я.

– Ну хватит! – Элеонора стукнула кулаком по столу. – Давай, Ваня, колись!

– Простите, не понимаю, – растерянно сказал я.

Хозяйка откинулась на спинку кресла, закурила вонючую папиросу и, нехорошо усмехаясь, сказала:

– Вчера в районе полуночи мне позвонила Варвара Чижова и рассказала такую историю. Около двух лет назад у нее случился роман с Иваном Павловичем Подушкиным. Кстати, сейчас Варя шестнадцать лет, значит, отношения с тобой она завела в четырнадцать. Ваня, ты давно читал Уголовный кодекс?

– Бред! – возмутился я. – Нора, вы знаете меня не первый год и великолепно понимаете, что я скорей прыгну в огонь, чем стану растлителем малолетних! Мы никогда не беседовали с вами на интимные темы, но сейчас я считаю своим долгом пояснить: я завожу отношения только со взрослыми женщинами, исключительно замужними. Меня привлекает лишь... э...

– Секс! – рубанула Нора. – Вполне понятная позиция мужика, который не желает содержать семью.

– Верно, – кивнул я, – от связи с замужней женщиной не ждешь неприятностей. Взрослые люди доставляют друг другу удовольствие и спокойно расходятся. Надеюсь, я не очень упал в ваших глазах, но это моя принципиальная позиция. Если встречу ту самую, единственную, то, очевидно, изменю свой взгляд на брак, но пока этого не произошло. И еще, я никогда не был любителем зеленых персиков. Простите, Элеонора, но женщины умнеют лишь к тридцати годам, а мне не по нутру общение с идиотками.

Нора прищурилась.

– Может, оно и так, – запальчиво заявила она, – но с вами, мужиками, дело обстоит намного хуже. До пятидесяти лет вы напоминаете младенцев, о вас трепетно заботятся сначала мамы, потом жены, а после полувекового юбилея вы плавно въезжаете в старческий маразм. Пусть бабы умнеют на пороге четвертого десятка, зато мы до ста лет вполне действенны, активны и разумны.

– Вернемся лучше к Чижовой, – деликатно предложил я.

– Так ты признаешься? – подпрыгнула Нора.

– В чем? – испугался я.

– Варвара сообщила тебе о своей беременности, – рубанула Элеонора, – она сирота, живет с полоумным дедушкой, у которого есть лишь одно желание: хорошо поесть. От него помощи не дождешься. Варя честно рассказала мне обо всем. Половой контакт с тобой был у нее всего пару раз, потом ты бросил малолетку, правда, сделал ей щедрый подарок.

Чем дольше говорила Нора, тем сильнее я терялся. Происходящее напоминало пьесу абсурда. Глупая Варя не сразу поняла, отчего в ее организме стали происходить изменения. Сначала у нимфетки появился зверский аппетит, а когда вырос живот, дурочка сочла сей факт результатом обжорства. Только на седьмом месяце Чицова сообразила: дело нечисто, сбегала к врачу и была ошарашена новостью: ей скоро рожать.

Дедушка отнесся к этому пофигистски.

– Ребенок? – переспросил он. – Я не против, но денег не дам, пенсии едва на еду хватает.

И тогда Варя позвонила любовнику. Иван Павлович не испытал ни малейшей радости, но все же нехотя заявил:

– Хорошо, я выделю сумму на детское приданое и оплачу твоё пребывание в клинике, но ответственности за малыша брать на себя не хочу. Впредь прошу меня не беспокоить.

Варвара произвела на свет Ниночку и начала воспитывать ее, как умела. Чицова не собиралась более обременять Подушкина, но пару месяцев назад крошка заболела.

Элеонора замолчала и потянулась за новой папиросой.

– Глупее ничего не слышал, – воспользовался я паузой, – эта Варвара настоящий барон Мюнхгаузен! Кстати!

– Что? – устало спросила Нора.

– Два часа назад мне звонила женщина, кричала что-то о ребенке, но я не стал ее слушать!

– Почему? – насторожилась Элеонора.

– Решил, что девица ошиблась номером или она телефонная хулиганка, – пожал я плечами.

И тут из коридора послышался мелодичный звук.

– Ну вот, – вздохнула Элеонора, – это Варвара Чицова. Она обещала приехать и показать тебе Ниночку. Ты готов к разговору?

– Восхитительная наглость, – усмехнулся я, – с другой стороны, я рад, вы сейчас сами поймете, что это все чушь собачья.

– К вам пришли, – всунулась в кабинет домработница Ленка, – девчонка какая-то с лялькой. Во дела! Самой еще в куклы играть, а она уже мать!

– Зови, – приказала Элеонора и покосилась на меня.

Я закинул ногу на ногу, у меня нет никакой причины для беспокойства, даже интересно посмотреть на «любовницу».

Девочка, вошедшая в кабинет, выглядела, на мой взгляд, ужасно. Щуплое тело недокормленного ребенка обтягивало слишком короткое ярко-красное платье, щедро усыпанное стразами. Огромное декольте подчеркивало полное отсутствие груди, на тощей шейке болтались пластмассовые бусы ядовито-зеленого цвета, такой же браслет обвивал запястье. Негустые, явно крашенные ярко-рыжие волосы были причесаны в стиле «пожар на макаронной фабрике», к тому же она явно переборщила и с макияжем. Губы у гостьи были интенсивно бордовые, щеки приторно-розовые, ресницы напоминали колья забора, намазанные гуталином, и от очаровательного создания исходил аромат псевдофранцузских духов, такой едкий, что мы с Норой одновременно чихнули.

– Эй, потише, – с интонацией дитяти пьяной окраины отреагировала Варвара, – вы че? Больные? Ребенка мне зарадите! Ей и так фигово!

Забыв поздороваться, красотка плюхнулась в кресло и посадила на колени крошечную девочку, размером чуть больше двухмесячного котенка. Дочка Чицовой и впрямь выглядела больной, у здоровой не может быть такой прозрачно-бледной кожи, темных синяков под глазами и апатичного вида. Я, конечно, не педиатр, но все виденные мною до сих пор младенцы выглядели иначе.

– Варвара, – бесстрастно сказала Элеонора, – перед тобой Иван Павлович Подушкин. Узнаешь его?

- А то, – скривилась Чижова.
- Почему же не здороваешься? – не успокаивалась хозяйка.
- Я женщина, ему первому начинать, – шмыгнула носом «дама».
- Значит, вы знакомы? – продолжала Нора.
- Угу, – кивнула наглая врунья.

Нора посмотрела на меня.

- Первый раз ее вижу. – Я пожал плечами.
- Брешет, – поддержала беседу «нимфа».
- И где же вы встречались? – допрашивала ее Нора.
- В постели, – зевнула Варвара, – у меня дома.
- У тебя же бабушка, – напомнила Элеонора.
- И че? – пожала плечами Чижова. – У нас квартира большая, две комнаты. Я в своей

могу что угодно делать, дед не сунется.

- Мило, – протянула хозяйка.

– Он хороший, – похвалила старика девчонка, – не то что у других. Вон у Лидки Самойловой мать. Чума с холерой! Как начнет! Где была? С кем? Куда ходила? У кого ночевала? Офигеть. Мой дед спокойный! Сам живет и другим дает!

Я посмотрел на вялого младенца, результат пофигизма старика, и подавил вздох.

- Ты утверждаешь, что отец Нины Иван Павлович? – поинтересовалась Нора.
- Ага, – ответила Чижова.
- Деточка! Я никогда тебя не видел! – возмутился я.
- Все мужики врут, – кивнула Варвара, – понятное дело! Неохота алименты платить!
- Ну ты и нахалка! – не выдержал я. – Врешь и даже в лице не изменилась.
- Чтоб Нинке сдохнуть, если я вру! – воскликнула Варвара.
- Не смей так говорить, – возмутилась Элеонора, – никогда нельзя клясться жизнью ребенка.

– А че он гонит, – обиженно протянула Варвара и опять шмыгнула носом. – У меня до этого никого не было. Кто мне целку порушил? Ваще, блин, да не надо мне ни фига от гоблина! Нинку жаль! Больная совсем! Без денег скорехонько помрет!

- А что с девочкой? – спросил я.

– Не выговорить, – неожиданно дружелюбно ответила Варя, – брынц... тынц... гынц... напридумывали названий! Во! Ща!

Тонкие пальчики с ногтями, покрытыми чудовищным зеленым лаком, раскрыли некогда белую сумку из клеенки и вытащили оттуда пухлую папку с надписью «Нина Чижова, детская клиника имени академика Кладо»⁵.

- Дай сюда, – приказала Нора и стала перелистывать странички.

Я отвернулся к окну, в ту же секунду послышался шорох, и на мои колени словно кошка села.

- Не урони ребенка, – велела Варя, – где у вас тут сортир?

Не дожидаясь ответа, девчонка выскочила в коридор, мне пришлось держать малышку, которая не проявила ни негодования, ни недоумения, очутившись в чужих руках. Никаких положительных эмоций Нина у меня не вызвала, вдобавок ко всему от нее неприятно пахло чем-то кислым, и я задержал дыхание.

– Тут сказано, что у несчастной редкая болезнь крови, – констатировала Нора, – я ничего не понимаю в анализах, но, похоже, они жуткие! История болезни оформлена по всем правилам. Ну-ка, уно момент!

Быстрым движением Элеонора схватила трубку, набрала номер и воскликнула:

⁵ Название лечебного заведения выдуманно, любые совпадения случайны.

– Клиника академика Кладо? Простите, с кем я разговариваю? Очень приятно. Вас беспокоит председатель правления благотворительного общества «Милосердие». Можете звать меня просто Элеонора. У нас находится на рассмотрении вопрос об оказании помощи Нине Чижовой, которая наблюдается в вашем заведении. Нет, я понимаю! Никакой информации по телефону не надо, для детальной беседы к вам прибудет наш представитель. Просто скажите, у вас наблюдается такая девочка? Ага, спасибо!

Элеонора положила трубку и протянула:

– Варвара не врет, малышка Чижова состоит на учете.

– Я ваще никогда не брехаю! – слышалось из коридора, и в кабинет вошла Варя. – За фигом мне врать-то? Если честно говоришь, жить легче!

Глава 3

– Интересное дело, – сказал я, – не лжешь, а под дверью подслушиваешь!
– Это случайно вышло, – без тени смущения ответила моя «любовница», – ручка тугая, пока ее поворачивала, кой-чего и услышала.

– Варя, – ласково сказала Нора, – наш фонд существует для того, чтобы помочь людям. Естественно, мы проверяем тех, кто хочет получить деньги, но, думаю, в твоём случае эта процедура завершится быстро. Иван Павлович живо оформит документы, и Нина получит средства на лечение. Тебе нужно написать заявление. Вот ручка, бумага, начинай.

– Нет, – замотала головой Варвара, – за фигом мне милостыню просить! У Нинки отец есть! Я, промежду прочим, не сразу пришла, сначала думала, что на зарплату справлюсь.

– Ты работаешь? – поразила Нора.

– А че? Я уже взрослая.

– И где служишь? – с жалостью поинтересовалась хозяйка.

– В парикмахерской, ногти делаю, – пояснила юная мамаша, – простой маникюр-педикюр, френч, гель, акрил, имею процент с клиента и чаевые. Да вы у него спросите!

– У Ивана Павловича? – уточнила Нора.

– Ага, – улыбнулась Варя, – он к нам в салон пришел! Тама мы и столкнулись!

– Вот уж неправда! – возразил я. – Нора, вы же знаете, я посещаю салон в самом центре, на Тверской.

– Откуда тогда ты в курсе, что я сижу в Теплом Стане? – фыркнула Варя.

– Понятия не имею, где вы работаете, – занервничал я.

– А че тады про центр зашуршал? – засмеялась Чицова. – Или ты Нострадамус? Мысли угадываешь? Специально про Тверскую гавкнул, чтоб хозяйка уверилась, что ты на окраину ни-ни!

Я удивился, что малограмотная девица знает о Нострадамусе, но тут Нора вдруг сказала:

– Хороший вопрос, Иван Павлович. Действительно, почему ты сразу заявил про центр? Вдруг салон, где работает Варя, именно там и расположен? Ты знал, что девочка служит в спальном районе?

– Он на машине ехал, на «мерсе», – пояснила Варя, – закрывал дверь и ноготь сломал. Ерунда, но больно, вот и зашел к нам. Ну и мы... этого... я ему сразу понравилась! Во, подарочек сделал потом!

Варя вновь полезла в сумку, вытащила маленькую бархатную коробочку, достала из нее золотой кулон и протянула Норе.

– Он у него с собой был, когда от меня навсегда уходил, сказал: «Держи, это дорогая вещь». Я обрадовалась, мы с ним четыре дня встречались, раз мужчина делает подарок, то он вернется, но Ваня исчез, а подвеску я носить не стала, на ней чужое имя выбито – «Корнелия». Во как обозвали!

У меня закружилась голова, Нора вернула украшение Варя.

– Значит, ты не хочешь получить помощь от фонда? – спросила она.

Варвара замотала головой.

– Нечестно будет постоянно ее у вас брать. Мне уже на роды отсыпали.

– Не поняла, – процедила Элеонора, – вернее, я думала, что Иван Павлович тебе из личных средств деньги дал.

– Не-а, – захихикала Варя, – из фонда. Сказал, что личных лавэ нету, но он меня проведет тайно по бухгалтерии, имеет такую возможность. Выпишет деньги на одну девчонку, ой, не помню ейнюю фамилию, подставную, короче, а получу я. Он так часто делает, когда ему бабки нужны. Ему эта девка помощь обналичивает за небольшой процент. Я и согласилась, а теперь

хочу по-честному, пусть он Нину признает, замуж я за него не пойду, мне такой не нужен! Алименты же мне по закону положены!

Я ущипнул себя за ногу: надеюсь, что сейчас крепко сплю, скоро прозвонит будильник, и кошмар завершится.

– Иван Павлович, – вдруг нежно сказала Нора, – как зовут жену Эдика Гальперина?

– Корнелия, – буркнул я. – Нора, я понимаю, какие мысли бродят в вашей голове, и отчасти они правильные. У нас с Гальпериной был короткий роман. Кулон, который продемонстрировала Варвара, не очень дорогое, но изящное изделие, кстати, свое дурацкое имя она получила от отца, известного шекспироведа и...

– Не углубляйся, – оборвала меня Нора, – ближе к теме.

– Я заказал украшение, забрал его накануне ее дня рождения и потерял.

– Мгм, – кивнула хозяйка, – и где?

– Понятия не имею! Хорошо помню, как я вышел от ювелира.

– Мгм.

– Сел в машину...

– Мгм.

– Поехал по делам. А вечером не нашел коробочки.

– И где она лежала?

– В кармане пиджака.

– Мгм!

– Нора! – возмутился я. – Вы верите в этот бред? Да пожелай я сделать девочке подарок, купил бы ей нечто подходящее для подростка, ну, предположим, бусы из сердечек или браслет с брелочками! Неужели я похож на идиота, который способен подарить Варваре подвеску с именем Корнелия?

– Нет, Ваня, – торжественно объявила Нора, – на идиота ты точно не смахиваешь.

– Вот и отлично, – сказал я.

– Но возникли вопросы, – протянула хозяйка, – насчет денег, которые ты выписываешь на подставных лиц! Много у тебя таких «помощничков»?

Я онемел. Меня можно обвинить во многом, сказать, что я излишне ленив, аморфен, не способен на быстрые реакции, слишком ценю собственный комфорт, эгоистичен, не использую в полной мере отпущенные мне Господом таланты. Но я очень щепетилен в денежных вопросах, и Норе сие обстоятельство великолепно известно!

– Когда у Корнелии день рождения? – вдруг спросила Элеонора.

– Двадцать второго апреля, – ответил я.

– Значит, подарок ты посеял на сутки раньше.

– Да, – согласился я.

– Помнится, тогда у тебя сломалась машина, – протянула Нора.

– Верно, вы дали мне свой «Мерседес».

– Круто! – восхитилась Варя. – Все совпадает! Скоро и про ноготь вспомнишь, и про меня!

По телу будто кипятки разлился.

– Нора! Я тут ни при чем!

– Ага, – ожила Варвара и повернулась к Норе, – че еще принесть для доказательства? Знаете, гоните его вон! Хрен бы со мной, одна девку потащу, помрет она скоро, долго не промучаюсь, а этот, он еще и вор! Ваши денежки втихую тырит, порядочным прикидывается. Разве хороший человек от умирающего ребенка откажется? Ну прямо царь Ирод!

Библейское сравнение удивило меня не меньше, чем упоминание про Нострадамуса. Варвара совершенно не похожа на девушку, которая изучает историю или интересуется религией.

– Нина не моя дочь, – отрезал я.

- Есть только один способ это проверить, – сказала Нора, – анализ ДНК.
- Это больно? – испугалась Варя. – Мне будут делать операцию?
- Нет, – усмехнулась хозяйка, – ерунда, поскребут ватной палочкой по слизистой во рту.
- Согласна, – закивала Варвара, – хоть сейчас берите. Во, я готова! Можете еще и кровь

на анализ прихватить!

С этими словами она бойко закатала рукав платья, обнажилась тощая конечность с просвечивающими сквозь кожу венами. Чуть пониже локтевого сгиба розовел шрам от давнего ожога.

– Во, – предложила Чижова, моргая невинно-голубыми глазами, – давайте.

– Сейчас это сделать невозможно, – с явной симпатией ответила Нора, – завтра мы поедем в лабораторию. Иван Павлович, будь готов к девяти утра.

– Нет, – твердо ответил я.

– Испугался, – забила в ладоши Варя, – вот вам! Знает, что врач увидит, и ехать боится.

– Иван Павлович, объясни свое решение, – приказала Нора.

– Либо вы мне доверяете, либо нет, – сухо сказал я, – если моего честного слова вам недостаточно, то, получается, вы считаете меня лгуном. Никакие исследования в таком случае не помогут. Они не важны. Главное – ваше личное отношение ко мне.

– Ты идиот! – в сердцах воскликнула Нора.

– Очевидно, да.

– И трус! – подтявкнула Варя. – Раз не идешь к доктору, значит, признаешься, что ты отец. Вот так выходит.

– Завтра в девять! – свирепо гаркнула Нора.

– Нет, – уперся я.

– Ты не выполнишь мой приказ? – возмутилась Элеонора.

– Моя личная жизнь – это моя личная жизнь, – ответил я, – много лет назад, когда вы наняли меня на работу, мы решили не смешивать частное со служебным и до сего момента успешно соблюдали договор.

– Я тебя уволю, – топнула Элеонора, – хватит выжучиваться!

На крысином личике Вари промелькнуло выражение радости, и тут у меня в кармане ожил мобильный.

– Вы разрешите ответить? – спросил я у Нору.

– Иди, – махнула рукой хозяйка, – остуди горячую голову и возвращайся с трезвым решением. Или едешь завтра в лабораторию, или уходи вон! В чем пришел! Помнится, у тебя даже чемодана не было, багаж уместился в портфеле!

Я выскочил в коридор и поднес телефон к уху.

– Аллю!

– Вава! – взвизгнула маменька.

– Слушаю.

– Это правда?

– Что?

– Только не вздумай выкручиваться! – заорала Nicolette. – Я чувствую! Ощущаю! Вот он, запах большого материнского горя!

– Ты о чем? – окончательно растерялся я. – Сделай одолжение, поясни.

– Вопросы задаю я! – тоном следователя из плохой киноленты об ужасах КГБ заявила маменька. – Молчать и отвечать!

Я сел в кресло, стоявшее возле вешалки. «Молчать и отвечать» – вот вам образчик женской логики, жаль только, что выполнить этот приказ не представляется возможным.

– Ты вчера был в аптеке? – спросила Nicolette.

– Не помню, – изумился я, – а в чем дело?

– Напрягись и вспомни!

– Какая разница? – продолжал недоумевать я. – Что за странный интерес.

– Немедленно перечисли все места, куда ты заглядывал накануне, – потребовала маменька.

Я попытался сосредоточиться.

– Утром я ездил по делам фонда «Милосердие», около двух решил перекусить, заглянул в кафе, мне позвонила Нора и велела купить ей книги, поэтому я поехал по магазинам. Одно издание нашел в букинистическом отделе «Москвы», другое обнаружил в «Молодой гвардии». На дорогах были сплошные пробки, да еще внезапно началась жара. У меня заболела голова. О! Точно! Я заходил в аптеку!

– Уже лучше, – всхлипнула Николетта, – когда человек признает свои ошибки, это первый шаг к их исправлению.

– Объясни, пожалуйста, что ты имеешь в виду, – попросил я.

– Что ты купил у провизора? Не смей лгать!

– Таблетки.

– Какие?

– Ну... не помню, вроде белые, круглые.

– Вава!!! Не разрывай мое сердце! Тебя видела Мака, – завопила Николетта, – господи, все пошло прахом! Жизнь рухнула в один миг! Где мой маленький мальчик, которого я водила гулять за руку?

– Ты о ком говоришь? – уточнил я.

– Вава! Не смей хамить, – пошла вразнос маменька.

– Извини, – пробормотал я.

Если честно, то я не могу припомнить момента, когда мы с Николеттой ходили вместе «гулять за руку». В детстве мною занималась Тася, та самая женщина, которая нынче служит у маменьки домработницей. Появление Николетты в детской было столь же редким событием, как полярное сияние над Москвой. «Тише, мама спит», – предостерегала няня маленького Ваню, когда он собирался в школу. «Тише, мама принимает ванну», – говорила Тася, когда я возвращался домой с уроков. «Тише, мама уезжает на спектакль, – восклицала она около шести вечера, – лучше не высовывайся в коридор». Да я и сам бы, без Тасино предупреждения, не пошел в прихожую, потому что лет с трех твердо усвоил: маменька, уносясь в театр, где ей предстояло выйти на сцену с коронными словами «Кушать подано», находится на взводе и способна отпустить сыну затрецину. Новый год, Седьмое ноября, Первое мая, уж не помню, какие еще праздники были в советские времена, но все их я отмечал в компании с Тасей, Николетта вместе с мужем веселилась в Центральном доме литераторов, писательском клубе, недоступном рядовому москвичу, меня с собой родители никогда не брали.

– Мака там была! – причитала Николетта. – Она наблюдала, как ты, потеряв стыд, выпрашиваешь лекарство!

– Выпрашиваю? – изумленно переспросил я. – Я просто приобрел упаковку! И я не заметил твою подругу! Она точно меня видела? Может, перепутала с кем?

– Жалкая попытка оправдаться! Как только Мака поняла, что ты делаешь, она спряталась за стенд и записала весь разговор на диктофон.

– Чего? – по-детски отреагировал я. – Записала на диктофон? Мака носит при себе этот аппарат и даже способна им пользоваться? И зачем ей прятаться при виде меня? Прости, Николетта, это какой-то бред!

– Слушай, Вава, – отчеканила маменька, – внимание, звук!

В трубке что-то шелкнуло, и я услышал собственный слегка искаженный голос. В свое время, когда я только начал работать детективом, Элеонора вручила мне крохотный карманный магнитофон и велела:

– Ваня, всегда записывай беседы с людьми, иначе при пересказе можно упустить крохотную, но очень важную деталь. А еще мне важно услышать интонацию твоего собеседника.

Я, естественно, выполняю приказ хозяйки, приношу ей запечатленную информацию и частенько слушаю ее вместе с Норой, поэтому мгновенно узнал, кому принадлежит баритон.

– Девушка, сделайте любезность, отпустите моралгин⁶.

– Данный препарат отпускается по рецепту, – ответило контрольно.

– Да ну? Месяц назад я приобрел его без проблем.

– Моралгин содержит большую дозу кодеина, он занесен в список «Б» и не подлежит свободному отпуску.

– Понимаете, у меня очень голова болит.

– Возьмите растворимый аспирин.

– Он мне не помогает.

– Тогда цитрамон.

– Лучше моралгин.

– Мужчина, я уже сказала: препарат выдается по рецепту!

Очевидно, я посмотрел на бейджик, прикрепленный на халате провизора, потому что воскликнул:

– Леночка, ну почему отличное средство от мигрени вдруг попало под строгий учет?

– В нем содержится кодеин, – кокетливо сказала девушка.

– И что же?

– А его используют наркоманы, едят пачками, чтобы кайф поймать.

– Вот глупость-то! Леночка, милая, я не употребляю стимуляторы.

– Ну...

– Посмотрите, разве я похож на наркомана?

– Ну...

– Очень прошу! Если я сейчас не приму моралгин, мигрень разбухнет на неделю!

Ладно, давайте я оплачу целую упаковку, а вы мне из нее выдадите одну пилюлю!

– Не положено.

– Леночка! Я погибаю.

– Думаю, ваша жена расстроится, услышав о смерти мужа, – хихикнула провизор.

– Я холост.

– Мигрень мешает вам жениться? Или вы не хотите разводиться и платить алименты на деток?

– Леночка, у меня нет детей, и я ни разу не был женат.

– Ну ладно, – сменила гнев на милость девушка, – сто сорок два рубля. Вот ваш моралгин.

– Спасибо! Еще бутылку воды, я сразу проглочу таблетку.

– На фиг вам деньги зря тратить, – заботливо прощбетала Лена, – сейчас стакан с минералкой принесу.

Некоторое время из диктофона доносилось только тихое шипение, потом раздалось:

– Вот.

– Спасибо, душенька!

Громкий щелчок заставил меня вздрогнуть.

– Ну? Слышал? – заорала маменька.

– Да, а что интересного в этой беседе? Обычный разговор покупателя с продавцом.

– Нет, Вава! Ты выклянчивал кодеин! Ты наркоман! Я так этого не оставлю! Я требую, чтобы ты лечился! Я никогда не впущу тебя в мой дом!!!

⁶ Название придумано автором. В продаже имеется лекарство с аналогичными свойствами. Автор не дает его название из этических соображений.

– Николетта, – я попытался привести маменьку в чувство, – абсурдность твоего заявления...

– Вава! – завизжала она с такой силой, что у меня чуть не лопнули барабанные перепонки. – Выбирай! Или ты сию секунду едешь в наркологический диспансер, или я тебе больше не мать! Ты никогда не переступишь порог моего дома! Вон!!!

Я положил телефон на полку у зеркала. Право, это уже слишком! Значит, наличие сына-алкоголика больше не вызывает сочувствия окружающих и потребовался более сильный вариант. Что последует за этим? Маменька превратит меня в серийного маньяка?

– Иван Павлович! – прозвучал голос хозяйки. – Незамедлительно иди сюда! Хватит ляля разводиться! Ну? Ты где? Мы с Варечкой ждем!

Последнее восклицание Элеоноры ножом вонзилось в спину. Норе несвойственно употреблять уменьшительно-ласкательные суффиксы. И то, что сейчас хозяйка вымолвила «Варечка», свидетельствует лишь об одном: решение принято, приговор вынесен, меня считают отцом тщедушной Нины! Думаю, маменька очень обрадуется, узнав, что стала бабушкой.

Вновь запищал телефон, на сей раз стационарный аппарат.

– Да, – сказала Нора, взяв трубку, – привет, Николетта. Ага, ага, ага! С ума сойти! Ты уверена? Негодяй! Мерзавец! Немыслимо! Конечно!

Я вздрогнул. Элеонора считает меня мерзавцем-педофилом, который обесчестил девочку, сделал ей ребенка, а потом спрятался в кусты. Она горит желанием уличить меня в воровстве, ткнуть носом в поддельные счета. Николетта же начинает новый спектакль под названием «Мать наркомана». Мужества тебе, Иван Павлович, терпения и милосердия к окружающим.

– Он твой сын! – громко воскликнула Элеонора. – Но мой служащий! Сейчас я разберусь! Иван Павлович! Сюда! Немедленно!

Неожиданно я ощутил легкость, исчез страх, перестали дрожать колени, спазм, сжимающий горло, пропал.

– Эй, ты где? – бушевала Элеонора. – Иван Павлович! Снова жвачишься! Ноги в руки и в кабинет! Встань по стойке смирно!

У меня за плечами будто развернулись два больших крыла, я увидел их внутренним зрением. Крылья выглядели кожистыми, упругими, серо-розовыми, их не покрывали перья, не было ни малейшего намека даже на пух. Слегка вздрагивая от озноба, я подошел к входной двери, распахнул ее, втиснулся в лифт, спустился на первый этаж и медленно полетел над асфальтом в неизвестном направлении. «Он твой сын, но мой служащий!» Э нет, господин Подушкин самостоятельная личность. И с этой секунды я свободен, я ничей!

Глава 4

Яркий луч света ударил в глаза, я поднял веки и уперся взором в обструганные доски. В первую секунду душу обуял ужас: меня похоронили живым, я лежу в гробу, но через секунду я понял: это не может быть крышкой домовины, потому что доски высоко, а из них торчит висящая на шнуре электролампочка.

– Че ворочаешься, – просипел недовольный голос, – спи, еще рано, будильник заорет, тогда и встанем.

Я вздрогнул и повернулся на звук. Слева, на замызанной подушке без наволочки, покоилась женская голова с длинными, спутанными волосами. Кудри почти полностью закрывали лицо, был виден лишь длинный острый нос, покрытый веснушками, и один блестящий карий глаз.

– Не копошись, – прозвучал приказ, – хорош вертеться, разбудишь Энди, он тебе плюх надает!

– Энди? – повторил я. – Это кто?

– Тама, у окна, – ответила голова, – дрыхнет.

– А вы кто? – ошарашенно поинтересовался я.

– Мара, – кашлянула башка.

– Господи, где я?

– Кто я? Как меня зовут? Которое столетие на дворе? – захихикала Мара. – Бухать надо меньше.

– Заткнитесь, ублюдки, – прошипели справа, – хотите, чтоб Энди встал?

В ужасе я посмотрел в другую сторону, там обнаружилась еще одна голова, на этот раз коротко стриженная, она покоилась затылком ко мне, поэтому лица незнакомца я не видел.

Как у всякого мужчины, у меня пару раз случались загулы. Не следует считать меня черствым сухарем или роботом, запрограммированным только на выполнение служебных обязанностей. Нет, я очень люблю жизнь во всех ее проявлениях и в молодые годы мог играть в покер до утра. Я не чурюсь женщин, способен выпить фужер-другой коньяка, но, поверьте, никогда не просыпался, не зная, с кем заснул. Я не из тех мужчин, которые нежно мурлыкают любовнице «зайка» или «рыбка». Кстати, если к вам обращаются подобным образом, не радуйтесь, кавалер вовсе не хочет проявить нежность, он просто не запомнил ваше имя и боится перепутать вас с другой бабой. Назовешь Лену Катей и не оберешься неприятностей, а «солнышко» или «котик» абсолютно обезличенно, поэтому удобно и безопасно. Так вот, я не из стаи охотников за дамами. Всегда общаюсь только с одной женщиной, а когда отношения исчерпывают себя, завершаю их без скандала. Я не забываю, как зовут любовницу, знаю ее фамилию, телефон. Мне не нравится пользоваться услугами проституток, я никогда не поеду невесть с кем не зная куда. Так где я нахожусь сейчас?

Очевидно, последнюю фразу я произнес вслух, потому что Мара села, обнажилась спина, покрытая татуировкой: сине-зеленый дракон, из пасти которого вырывается огонь.

– Вот надоел! – в сердцах произнесла она. – Блин, как спать-то хочется.

В дальнем углу кровати зашевелилось одеяло, из-под него вылезло нечто непонятное, темно-коричневое, оно стало интенсивно чесаться.

– А это кто? – прошептал я.

– Мими, – зевнула Мара, – фу, перестань чухаться! Опять блох подцепила? Вечером вымою тебя дезинфекцией.

– Она человек? – осторожно уточнил я.

Мара встала, она оказалась абсолютно голой, спина переходила в маленькую, мускулистую «пятую точку». Если честно, то ее фигура не вызывала особых желаний, она была какая-то несексуальная.

Мара повернулась ко мне лицом.

– Ты мужчина! – закричал я.

– Ну ваще, – хмыкнул парень, – чего орешь-то?

– Извини, – я попытался прийти в себя, – думал, я лежу с женщиной.

– Прикольно, – усмехнулся Мара, – и че? Я мужик, а Мими обезьяна. Во блин! Котом воняет! Дура! Ты его с собой принесла? Сколько раз говорил, у Энди аллергия. Ща нам мало не покажется!

От окна раздалось громовое «апчхи». Со скоростью звука Мара шмыгнул назад под одеяло и дернул меня за руку.

– Тс! Мы спим!

Я почему-то послушался, упал на подушку и засопел, глаза, правда, не закрыл. Обезьяна тоже рухнула в койку, воцарилась тишина.

– Апчхи! – понеслось по комнате.

– Ах ты господи, – еле слышно прошептал Мара, – спаси и сохрани!

– Апчхи! Кто припер кошку, вашу мать! – раздался крик, похожий на рев динозавра.

– Это не я, – хором ответили Мара и голова справа.

– Значит, он, – констатировал бас, и я увидел, что свет померк, его заслонила чудовищно огромная фигура.

– Нет, нет, – запели парни, – Энди, тебе кажется.

– А че там за морда!

– Ваня, – велел Мара, – покажись!

Отметив вскользь, что паренек знает мое имя, я сел и, уставившись на необъятного великана, сказал:

– Разрешите представиться, Иван Павлович Подушкин.

Гора мышц чихнула, затем почти нежно поинтересовалась:

– Коверный?

– Что? – не понял я.

– Клоун, блин?

– Кто? – ошарашенно поинтересовался я.

– Я, наверное, – хрюкнул гигант, – ты, конечно! Рыжий? Белый?

Я попытался сообразить, что происходит. Может, я попал в сумасшедший дом?

– Ну? – промычал Энди и сжал кулаки.

– Ваня, отвечай, – откровенно испугался Мара, – не зли Энди!

– Я брюнет, – ляпнул я, – не совсем чистый, нечто вроде шатена, но уж точно не рыжий.

Кстати, кого вы имели в виду, говоря – белый? Альбиноса?

– Чувырла, – засмеялся мастодонт.

– Энди, ты нанял его шпрыхсталмейстером, – пояснил Мара, – у Вани рост два метра, в костюме он хорош, лучше Себастьяна! Ну, помнишь, Ваню тебе Боба порекомендовал, он его приятель, ведь так? Вань, подтверди?

На маленьком веснушчатом личике Мары появилось умоляющее выражение.

– Ага, – неожиданно для самого себя солгал я, – мы с Бобой прошли огонь, воду и медные трубы.

– Это меняет дело, – помягчел Энди, – вставайте, парни! Апчхи! Чую кота! Где он?

– Может, на кухне сидит? Небось соседская девчонка принесла! – предположила голова.

– Пойду гляну, – прогудел Энди и с неожиданной для самосвала скоростью ринулся вон из спальни.

– Пронесло, – радостно воскликнул Мара, – Антонио, ты как?
– Супер, – заявила голова. – Мими, сука, вылезай.
Обезьяна высунула морду и издала тихий звук, похожий на птичий щебет.
– Да ушел он, – махнул рукой Антонио, – не дрожи.
На лице Мими появилось выражение счастья.
– Где Леонардо? – спросил Мара.
Мими порылась в одеяле и вытащила угольно-черного котенка.
– Ох и дура же ты! – возмутился Антонио. – Больше не приноси его! Энди ваще озверевает.
Мими кивнула, схватила кота, прижала его к себе и начала искать блох.
– Мими идиотка, – пояснил Мара, – а еще она в карты мухлюет, не садись с ней за один стол, в момент обштопает.
– Обезьяна умеет играть в карты? – усомнился я.
– А то! – воскликнул Антонио. – Такая зараза! Пальцы ловкие, тасует колоду как зверь, швырк, швырк, швырк, себе пять тузов, нам сплошную мелочь! Вечно у нее флеш-рояль⁷ выходит. Как ни старались, мы ее поймать не смогли.
– В колоде всего четыре туза, – напомнил я.
– Ага, – подхватил Мара, – а у Мими пять, и она ими всеми пользуется.
Макака презрительно фыркнула, встала и демонстративно положила котенка на подушку Антонио, затем медленно сложила из корявых пальцев фигу и ткнула Маре под нос.
– Ну не сердись, – дал задний ход парень, – все путем, мы же тебя любим, уважаем, ценим, ты нас кормишь, когда Энди бабок не дает!
Мими хрюкнула, схватила апатичного мурлыку и выскочила в коридор.
– Хорошая девка, – глядя ей вслед, заявил Мара, – никогда не подводит!
Я сел на кровать. Господи, куда я попал? Может, сплю?
Парни переглянулись.
– Ты как? – с неподдельной заботой поинтересовался Антонио. – Пришел в себя?
– Говорил же, не пей коктейль, Боба хрен знает из чего его смешивает, – подхватил Мара.
– Рецепт он в секрете держит, – крикнул Антонио, – лично мне подозрительно: почему? Если че приличное готовишь, зачем скрывать!
Я хлопал глазами.
– Слышь, Антонио, – засмеялся Мара, – он того, прифигельный.
– Эй, Ваня, не помнишь ничего?
– Нет, – ответил я.
– Ща расскажем, – захихикал Антонио, – кто начнет?
– Я, конечно, – заявил Мара.
– А че ты всегда первый? – обиделся Антонио.
– Потому что я умный, – выдвинул железный аргумент Мара, – я сколько в школу ходил! То-то! Целых семь классов за плечами, а у тебя и трех не наберется!
Очевидно, Мара не раз пользовался этой козырной картой, потому что Антонио покорно кивнул:
– Лады!
Мара начал рассказывать, через пять минут у меня подкосились ноги, я, как ни старался, не мог вспомнить вчерашний вечер, словно чья-то рука ластиком стерла хранящуюся в мозгу информацию. По словам Мары, дело обстояло так.
Где-то около полуночи он и Антонио отдыхали в крохотном кафе, которым владеет личность по имени Боба. Чтобы вам до конца стала ясна ситуация, мне придется почти полностью привести рассказ циркача.

⁷ Каре-рояль, одна из выигрышных комбинаций в покере.

Мара, Антонио и Энди гимнасты, они работают на перше – это длинная, гибкая, очень прочная палка. Энди так называемый «нижний», он выходит на арену, запрокидывает голову, ставит себе на лоб перш, потом из-за кулис выскакивает Антонио и, вскарабкавшись до середины шеста, начинает выделывать всякие акробатические трюки. Следом появляется Мара, он очень легкий, поэтому его место на самом верху. Гимнасты на перше – традиционный номер, его исполняет не одно поколение циркачей. Энди, Мара и Антонио братья, они на арене с младенчества и, как почти все цирковые дети, не получили порядочного образования. Шапито, в котором служили их родители, переезжало из города в город, мальчишки сменили столько школ, что и вспомнить невозможно, да и папа с мамой не стремились дать детям знания по русскому языку, математике, литературе и прочей там географии. В цирке ценится не умение решать уравнения и писать сочинения, там нужны иные качества, а если ты способен расписываться – уже Ломоносов. Лет до тридцати пяти гимнасты выступают с номерами, а уж дальше как повезет. Одни пытаются переквалифицироваться в клоунов, или, как говорят на арене, в коверных, другие выступают с дрессированными животными, третьи – работают в униформе. Вы бывали когда-нибудь на цирковых представлениях? Помните, как они начинаются? Раздается бравурная музыка, раздвигается блестящий занавес, из кулис выходит несколько мужчин, одетых в яркие, чаще всего красные костюмы с золотыми пуговицами, и выстраиваются у края арены. Следом появляется осанистый господин во фраке, это ведущий, по-цирковому он называется шпехштальмейстер, а парни в мундирах – это униформа. Только не надо считать их кем-то вроде уборщиц. Униформа – это одни из самых опытных сотрудников цирка. Да, они делают «черную» работу, раскатывают ковер, покрывающий арену, держат страховочную веревку-лонжу, подают всякий инвентарь. Вот только без должного умения ковер не уложить, тут много хитростей, и опилки, по которым скачут лошади, должны быть насыпаны правильно, и особо прочный трос, пристегнутый к поясу воздушного гимнаста, не доверят дураку с улицы. Но вернемся к братьям.

Энди из них самый старший и наиболее сильный, он ухитрился после кончины родителей создать собственный коллектив, который называется «Морелли на колесах». Морелли – фамилия братьев, настоящая, не псевдоним. У них есть автобус, в котором коллектив разъезжает по провинции. Циркачи сродни цыганам: где легли спать, там и дом. Личное имущество братьев, нижнее белье и джинсы, умещается в одной сумке, они не женаты, детей не имеют и пока не очень переживают по этому поводу. Энди восемнадцать лет, Антонио на год моложе, а Маре вроде пятнадцать, точный возраст он не знает, потому что мама посеяла его метрику. Родители их погибли три года назад, когда в шапито случился пожар, мальчишкам удалось спастись. Мара ухитрился вытащить из огня шестимесячную малышку Мими. С тех пор мартышка живет при братьях, она комическая часть представления, выскакивает на арену с тросточкой и пародирует их номер. Успех обезьянке всегда обеспечен.

Раз в году, в конце весны, Морелли прибывают в Москву. Цирк на Цветном бульваре и коллектив, который работает на Ленинских горах, отправляются на гастроли. И Морелли получают возможность выступать в столице. Естественно, они не могут конкурировать с элитой циркового мира и не претендуют на лучшие площадки мегаполиса. Морелли работают в парках, обслуживают корпоративные мероприятия, кроме того, летом многие подмосковные населенные пункты отмечают День города, и Морелли являются украшением праздников. Избалованные вниманием как российского, так и зарубежного зрителя столичные акробаты, клоуны и фокусники не поедут в какой-нибудь Козьегорск⁸, расположенный на границе с Тульской областью, чтобы выступить на дне рождения фабрики, выпускающей клизмы, а Морелли тут как тут, у них все по-взрослому: акробаты, дрессировщик с медведем, девочка-каучук, короче, полный набор удовольствий. Неискушенный зритель отбивает себе ладони, билеты стоят недо-

⁸ Название придумано автором.

рого, костюмы артистов издали выглядят шикарно, медведь пугает публику здоровенными зубами, девочка гнется, словно пластилиновая. Простые люди не заглядывают за кулисы и поэтому не знают правды. На самом деле красивые купальники и трико давным-давно не новые, медведь ленив, а девочке подкатывает к тридцатнику, просто она шуплая и поэтому сходит за ребенка.

В Москве Энди снимает несколько комнат в бараке. Хоромы не шикарные, но циркачи не избалованы. Дождь на голову не льет? Это же отлично. В столице у Морелли много друзей, один из них Боба, хозяин бара, расположенного в ста метрах от того места, где обычно селится коллектив. Вчера после концерта Мара и Антонио пошли к Бобе, им хотелось выпить чайку и съесть вкусную пиццу. Внимание Мары привлек высокий, симпатичный, хорошо одетый мужчина, сидевший за стойкой с самым несчастным видом.

– Это кто? – спросил младший Морелли у бармена.

Боба пожал плечами.

– Уже три часа кукует! Говорит, идти некуда! Вроде он не в себе, не из ваших и не из наших, я его впервые вижу, уже пятый коктейль скушал, платит исправно, не буйнит.

Мара подсел к дядьке, а тот неожиданно рассказал ему свою жизнь, начиная чуть ли не с рождения и заканчивая уходом из дома хозяйки.

– Жить мне негде, – мрачно констатировал мужик, назвавшийся Иваном Павловичем, – денег нет, документов тоже. Ушел в чем был и назад не вернусь!

Для начала Антонио и Мара угостили бедолагу водкой, а потом стали думать, как ему помочь. Может, Морелли и не знают таблицу умножения, но человека в беде они никогда не оставят. У циркачей так заведено – они всегда протягивают руку помощи тому, кому плохо.

И тут в бар заявился Энди в самом дурном настроении.

– Наш шпрых убежал, подался на сторону, – мрачно заявил он. – Где нового искать?

Шпрых – это шпрыхшталмейстер, человек, который объявляет номера, так сказать, хозяин арены, а еще он часто выступает партнером для клоуна. Шпрых – лицо программы, поэтому он должен быть высоким, осанистым, плечистым, обладать красивым и громким голосом и уметь носить фрак. Найти такого сразу практически невозможно! Поэтому Энди был зол на весь белый свет.

– За что мне это? – спрашивал он. – Без шпрыха фигово! Кто встанет на занавес? Мими, блин?

И тут Мару осенило, он ткнул в меня пальцем и заорал:

– Он! Внешне супер, говорит красиво, ни работы, ни денег не имеет, документы посеял. А еще его рекомендует Боба.

– Ну да, – кивнул бармен, – вроде приличный клиент.

И судьба Ивана Павловича решилась без его участия. Увы, я был к тому моменту мертвецки пьян и не мог выразить своего отношения к происходящему.

Глава 5

– Господи, – перепугался я, выслушав рассказ, – мне не справиться с работой в цирке.
– Ерунда, – утешил Антонио, – насчет костюма не беспокойся, подберем!
– Я никогда не выступал на публике и, если честно, даже не хочу пробовать, актерство не моя стезя, я принадлежу к людям интравертного склада и не обладаю энергетикой, необходимой для подпитки зрителей, – отбивался я.

– Как он говорит! – восхитился Антонио. – Настоящий шпрых! Здорово! Выезжаем в шесть! Сегодня нам свезло, никуда тащиться не надо! В соседнем доме работаем. Во, Ваня, это ты удачу принес! Мы давно в простое, а когда с тобой в баре сидели, Энди мужик позвонил, у ихней конторы сегодня юбилей, он коллегам сюрпрайз сделать хочет. Да еще идти всего через двор! Энди сказал: «Этот Ваня, похоже, из фартовых».

– Не волнуйся, – хлопнул меня по плечу Мара, – ты шикарно выступишь!

– Нет, нет, ничего не получится, – затряс я головой.

– Откуда ты знаешь, если не пробовал? – засмеялся Мара. – Я тоже боялся фляк крутить, когда начинал. Знаешь, как наш отец говорил: «Отключи глупость, тело умней головы, само все сделает, главное, не мешай ему!»

Я уставился на Мару. В принципе, парнишка прав. Если не откусить от яблока, то и не узнаешь, каково оно на вкус, а ведь зеленый плод, вопреки ожиданиям, может оказаться восхитительно сладким.

– Давай, Ваня, выручай нас, – поддержал его Антонио, – поверь, ты родился шпрыхом! Вот на перш тебя не зовем, ты с него гробанешься, и на канат не ставим, не твое там место!

– Кураж поймаешь, и покатит, – потер руки Мара.

Неожиданно для самого себя я вдруг сказал:

– Но у меня даже нет чистой рубашки!

Мара засмеялся и открыл большой шкаф.

– Во, держи, голубая, тебе пойдет!

Я машинально взял вешалку и удивился.

– Это же сорочка милиционера, форменная, на плечах штрипки для погон.

– Носи на здоровье, – махнул рукой Антонио. – Она новая, никто ни разу не надевал.

– Чегой-то я не помню, как эта рубаха к нам попала, – протянул Мара. – Так как, Ваня?

Лишь временным умопомешательством можно объяснить мое дальнейшее поведение, я не только натянул на себя чужую одежду, кстати, идеально подошедшую по размеру, но и бойко воскликнул:

– Хорошо. Попробую себя в роли этого шпреха.

– Во! Супер! – подпрыгнул Антонио.

Братья, как по команде, развернулись и вышли из комнаты.

Я остался один и попытался оценить ситуацию. До сих пор мне в голову никогда не приходила мысль сбежать из дома. Я всегда, даже в подростковые годы, смирялся с обстоятельствами, съеживался и ждал, пока буря успокоится. Бунтовать и размахивать шашкой – это не в моем характере. Но вчера случилось нечто, так и не могу понять, что именно, заставившее меня поступить вопреки здравому смыслу. И что теперь делать? Поблагодарить простых сердечных парней, решивших помочь абсолютно незнакомому мужчине, и вернуться домой? Увидеть Нору, которая поверила коварной Варваре и решила подвергнуть секретаря унизительному анализу на установление отцовства? Впрочем, ничего позорного в процедуре нет, возьмут ватную палочку, поскребут ею по внутренней стороне щеки и через некоторое время выдадут вердикт: господин Подушкин не имеет ни малейшего отношения к больной Нине. Отчего бы мне не согласиться на это и не снять с себя подозрения? Боюсь, вам трудно понять

меня, вопрос не в малышке, а в Элеоноре, не поверившей человеку, который много лет работает на нее. Неужели моего слова оказалось не достаточно? Или хозяйка в глубине души всегда считала меня непорядочным? Я не смогу более служить ей, это не истерика, а обдуманное решение, увы, я способен поддерживать отношения лишь с теми... Внезапно мысли сделали резкий крен в сторону. А деньги? Нора ни секунды не сомневалась: ее секретарь выписывал поддельные счета! Это же настоящий плевок мне в душу! На этом фоне чушь с наркотиками, которую выдумала Nicolette, выглядит невинной шуткой!

Нет, я никогда не вернусь назад. Я подошел к засаленному креслу и опустился на продавленную подушку. И куда деваться? Ни документов, ни денег. Впрочем, имея я паспорт, все равно не смог бы им воспользоваться. Очень хорошо знаю Нору, она сейчас крайне зла и уже начала искать посмеявшегося взбунтоваться секретаря. При обширных связях моей бывшей хозяйки она легко обнаружит любое мое убежище.

Внезапно мне вспомнился старый анекдот про глубоко религиозного Семена, который тонул в реке. Он изо всех сил молотил руками по воде и просил: «Боже, спаси меня». Вдруг мимо поплыло бревно, но Семен не схватился за него, он продолжал молиться: «Господи, помоги!» Тут около него очутилась лодка, но тонущий не обратил на нее внимания, утроил просьбы к небу и... утонул. Представ перед престолом Господним, Семен с обидой сказал:

– Я жил праведно! Почему ты не помог мне?

– Я послал тебе бревно, потом лодку, – изумился Бог, – но ты не отреагировал. Неужели ждал, что я сам прыгну в реку?

Мораль: всякому человеку дается шанс, надо просто его использовать.

Бродячий цирк – последнее место, где Нора станет искать сбежавшего секретаря. Может, Мара прав и у меня талант этого, как его там, шпреха?

Я вскочил на ноги. Представление дают по вечерам, значит, утро и день у меня свободны. Иван Павлович, очнись! Твое доброе имя замазано грязью, необходимо отмыть его. Я знаю, что никогда не прикасался пальцем к Варваре! Я даже не знаком с ней, но она заявила к Норе и звонила до этого мне по телефону. Следовательно, некто решил опорочить меня. Почему? Кто он, мой Яго?⁹ Я непременно найду негодяя, заставлю его рассказать Норе правду и... и... никогда не вернусь к ней. Вот только смыть черное пятно с репутации необходимо. И как действовать? Я ничего не знаю о Варваре, ни адреса, ни телефона. Детская поликлиника! Очень хорошо помню, что на обложке истории болезни тщедушной Нины стоял штамп «Клиника имени академика Кладо». Сейчас узнаю адрес сего заведения, съезжу туда и выясню, где живет девочка Нина Чижова. Так, куда я положил ключи от машины?

Я ринулся к скомканному пиджаку и тут же сообразил, что автомобиля-то нет!

– Эй, Ваня, – всунулся в комнату Мара, – тебе какое имя больше по вкусу: Вова или Серега?

– Абсолютно без разницы, а почему ты спрашиваешь? – удивился я.

– Ты ж без документов, – пожал плечами парнишка. – У Энди есть два паспорта, один на Владимира, другой на Сергея, выбирай!

– Откуда у него чужие удостоверения личности? – поразился я.

– Не парься, – отмахнулся Мара, – ксивы настоящие, с московской пропиской. Я бы на твоём месте стал Вовкой, и фамилия у него красивая. О, глянь!

Улыбаясь, акробат сунул мне бордовую книжечку, я машинально уставился на страницу. Следует признать, мужик на фото слегка похож на меня, простое русское лицо, без особых примет. Ну-ка, достаньте свой паспорт и внимательно изучите снимок, думаю, он вам не очень понравится. Я всегда удивлялся, ну коим образом представитель власти, глянув на черно-белое изображение десятилетней давности, может опознать меня? Кстати, отсутствие сходства фото

⁹ Яго – герой трагедии Шекспира «Отелло», оклеветавший невинную Дездемону.

с оригиналом легко объяснить: пополнел, сменил прическу, обзавелся очками. Так, год рождения тоже не совпадает, я на шесть лет старше, но все говорят, что выгляжу моложе. И как теперь мне следует представляться? Владимир Тарасович Задуйхвост. Ну и ну, Мара прав, фамилия редкостной красоты. Внезапно на душе стало легко. Пусть Нора обломает зубы, разыскивая Ивана Павловича Подушкина, а тем временем Владимир Тарасович Задуйхвост спокойно займется расследованием, обнаружит мерзкую девчонку Варвару и серьезно поговорит с ней.

– Понравилось? – прищурился Мара. – Клево!

– Извини, пожалуйста, но я хотел уточнить по поводу оплаты, не дадут ли мне небольшой аванс, – тихо сказал я, – видишь ли, у меня нет ни копейки. Вчера я спустил всю наличность в баре.

– Деньги выдает Энди, – пояснил Мара, – раз в месяц, получка завтра.

– Мне сейчас надо съездить по делам... э... не мог бы ты... одолжить чуть-чуть?

Мара помотал головой.

– Не, у меня ваше ни копейки. Антонио!

– Че? – ответил голос из коридора.

– Бабки есть?

– Пусто, – сообщил средний брат.

– Жозефина! – завопил Мара.

– Ну? – долетел издали женский голос.

– Дай сотняшку.

– Пошел вон.

– Очень надо!

– Кому?

– Мне.

– Тебе не дам.

– Это почему? – обиделся Мара.

– По кочану, – отрезала невидимая Жозефина.

– Вот пакость! – обозлился акробат. – погоди, Ваня! Мими! Поди сюда!

В комнату влетела макака.

– Слышь, – заискивающе попросил парень, – дай пенендзов.

Обезьянка сложила фигу и повертела ею перед носом Мары.

– Это ему надо, – пояснил акробат, показывая на меня.

Мими кивнула, подошла к шкафу, вытащила темно-синюю спортивную сумку, порылась в ней, выудила ярко-красное портмоне, достала оттуда купюру в пятьсот рублей и протянула мне.

Я ошарашенно взял ассигнацию.

– Спасибо, Мимиша, – обрадовался Мара, – ты настоящий друг!

Макака улыбнулась, издала пару резких звуков и ушла.

– У обезьяны есть деньги? – отмер я.

– Мими очень хозяйственная, – с завистью заметил акробат, – и экономить умеет.

– Здорово, – только и сумел сказать я.

– Ксива при тебе, бабки тоже, – подвел итог парень. – О! Мобила! Значитца, так! Иди к Бобе, в бар за углом, он поможет, скажешь ему: «Работаю сегодня у Морелли, нужна труба».

– Сейчас семь утра, – напомнил я, – питейное заведение закрыто.

– В окно постучи, – зевнул Мара, – Боба там спит, в задней комнате.

Через сорок минут после разговора с младшим Морелли я влез в маршрутное такси и устроился на удобном месте у окна. В кармане лежали паспорт, деньги и сильно поцарапанный сотовый, явно принадлежавший ранее маленькой девочке. Отчего мне пришла в голову такая

мысль? Мобильный был ядовито-розового цвета, а его заднюю панель украшали многочисленные наклейки в виде кошечек.

– Пристегните ремни, взлетаем, – заорал шофер маршрутки, – извиняйте, хавки и выпивки не будет, полет пройдет на сверхзвуковой скорости, просьба не писаться, а то выброшу на ходу!

Взвизгнув колесами, «Газель» ракетой понеслась прямо по тротуару. Я зажмурился: сейчас врежемся в один из многочисленных ларьков у метро. Через пару секунд глаза открылись. Никто из пассажиров не выказывал ни страха, ни возмущения. Две девушки с наушниками на голове мирно внимали любимым мелодиям, толстый парень играл на телефоне в тетрис, пожилая дама вязала крючком, остальные читали. Очевидно, слалом между торговыми точками и мат, который изрыгал шофер, ловко огибая будки с газетами и овощами, были для всех будничной ситуацией.

Я прижался лбом к стеклу. В Москве существует несколько реальностей, и они практически не пересекаются. Иван Павлович, сын популярного писателя и столичной актрисы, с детства жил в роскошной квартире, окончил престижный вуз, спустя некоторое время попал на службу к Элеоноре и снова обитал в роскошных апартаментах, в личной комнате, не заботясь о быте. Проблем, связанных с уборкой, стиркой, глажкой и готовкой, у него не было. Домашнее хозяйство у Норы ведет домработница Ленка, ленивое, косорукое создание. Я просто бросал рубашку в бачок и вынимал из шкафа свежую. У меня имелась машина, недорогая, но вполне приличная, и Элеонора исправно платила мне причитающееся жалованье. Я посещал консерваторию, старался не пропускать театральные премьеры, покупал книги и был твердо уверен: в спальню ко мне никто не войдет без стука.

Теперь же я очутился в ином мире, где несколько человек спят в одной комнате, можно купить в семь утра у хозяина сомнительного бара явно краденый мобильный, выступать на арене цирка, носить имя Владимир Задуйхвост и брать деньги в долг у обезьяны. Скажи мне кто-нибудь неделю назад, что я окажусь в подобной ситуации, я бы воскликнул: «Помилуйте, господа, это по меньшей мере неприлично».

А сейчас я трясусь в маршрутке, страшно довольный тем, что удобно устроился у окошка. Кстати! Надо приобрести Мими небольшой подарочек. Интересно, она любит пирожные? Обезьянка была со мной очень мила, поделилась значкой, надо ее отблагодарить.

Глава 6

На ресепшн в клинике имени Кладо сидела симпатичная женщина лет сорока. Быстро отметив, что у нее на пальце нет обручального кольца, я расцвел самой нежной улыбкой:

– Доброе утро!

– Здравствуйте, – профессионально вежливо ответила дама.

– Не могли бы вы мне помочь?

– Если сумею.

– Посмотрите, состоит ли здесь на учете Нина Чижова, ей едва исполнился год.

Женщина нахмурилась.

– Сведений о пациентах мы не даем.

Я постарался изобразить смущение.

– Да, конечно, но... видите ли... э... понимаете... ладно, буду откровенен. Я работаю помощником у очень влиятельного и богатого человека, он влюблен в девушку, Варвару Чижову, на мой взгляд, малопривлекательную юную дурочку.

– Вы настроены против молодых женщин? – начала кокетничать бабенка.

– Конечно, нет! Наоборот, мне очень нравятся двадцатипятилетние красавицы, такие, как вы, – лихо польстил я начинающей увядать матроне.

– Представляю, что думает по этому поводу ваша жена, – прозвучало в ответ.

– Я холост, но не обо мне речь.

Тетка за стойкой поправила волосы и заулыбалась, я быстро продолжил:

– Так вот. Варваре Чижовой нет еще и восемнадцати, хозяин просто ошалел, только о ней и думает, забросил дела, скупает бриллианты килограммами.

– Повезло ей, – завистливо вздохнула собеседница.

– Только не моему патрону, – живо изобразил я возмущение. – Эта Варвара! Пробу ставить негде! Корчит из себя невинную школьницу, а у самой есть младенец, он наблюдается в вашем заведении.

– Ну и ну! – покачала головой дама. – Современная молодежь абсолютно беспринципна!

– Вот-вот, я, как узнал про обман, сразу сюда и примчался, дайте справку про Нину! – подхватил я.

– Что вы! – испугалась дама. – Меня за такое уволят!

Я нахмурился, потом снова улыбнулся.

– Давайте сделаем так! Вы смотрели компьютер, искали в нем данные о, допустим, Чижовой Наташе, а я случайно увидел слова «Чижова Нина» и в тот момент, когда вы отвернулись, записал ее домашний адрес. Понимаете? Вы, врач, не виноваты, искали некую Наталью.

Дама рассмеялась.

– Я не врач и даже не медсестра, а простой администратор. Сейчас, секундочку, Чижова Нина, адрес по прописке: улица Фарфоровый Завод, дом сто.

– В Москве есть такая? – изумился я.

– Да, – кивнула женщина, – она здесь неподалеку. Выйдете из клиники, повернете направо, и перед вами Фарфоровая. Только вот странность! Как, вы говорите, зовут малолетнюю обманщицу, которая задумала выйти замуж за вашего шефа?

– Варвара, – ответил я.

– Мать Нины зовут Елена Петровна, – пожала плечами администратор, – так в компьютере записано.

– А другой Чижовой нет?

– Чижевская Юлия не подходит?

– Мне нужна Чижова Нина.

– Ну тогда это она.

– Может, малышку оформила на себя бабушка, – пробормотал я, – порой случается такое, когда не хотят портить биографию слишком юной мамыши. Огромное вам спасибо, я непременно разберусь.

– Это все? – с легким разочарованием осведомилась собеседница.

Мне не хотелось обижать милую женщину, которая решила пококетничать с холостяком, поэтому, понизив голос, я спросил:

– Как вас зовут?

– Роза, – ответила администратор.

– А я Ва... Володя. Не будете возражать, если на днях я загляну сюда еще разок?

– Я работаю сменами, – зарделась Роза, – сутки тут, двое дома.

– Увы, я тоже имею напряженный служебный график, – грустно сообщил я, – но, может, наши выходные совпадут?

– Буду ждать, – улыбнулась Роза.

Я помахал ей и живо выскочил за дверь. Если кто-то из вас счел мое поведение отвратительным, он не прав. Я вовсе не собирался обманывать Розу и, естественно, более не явлюсь в клинику, но у перезрелой дамы возникло ощущение, что она понравилась посетителю, значит, еще не вышла в тираж. А такие мысли очень положительно влияют на всех представительниц женского пола в возрасте от пяти до ста лет.

Нужный дом оказался красивым, недавно построенным зданием из светло-серого кирпича. Я открыл добротную дверь и наткнулся на консьержа, скорее даже охранника, одетого в черную форму.

– К кому идете? – сухо осведомился он.

– К Чижовой Елене Петровне, – в тон ему ответил я, понимая, что, скорее всего, направляюсь не туда.

Если Варвара живет в здании, где квартиры стоят не меньше миллиона долларов, то у нее нет необходимости выклянчивать алименты у небогатого Ивана Павловича.

– Третий этаж, – сказал парень, – вот лифт.

Кабина была отделана панелями из красного дерева, а когда я вознесся на нужную высоту и вышел из подъемника, то увидел белый ковер, устилавший пол, и единственную дверь на площадке. Интересно, сколько денег местная администрация тратит на химчистку? Или за нее платят жильцы? Нет, я определенно ошибся. Варвара совершенно не похожа на девочку из обеспеченной семьи. Но все же следует поговорить с этой Еленой Петровной, другой-то Нины Чижовой в клинике имени Кладо нет. Я ткнул в звонок.

– Кто там? – незамедлительно донеслось из домофона.

Подавив желание ответить: «Почтальон Печкин», я громко воскликнул:

– Откройте, пожалуйста, это по поводу Нины!

Дверь распахнулась, на пороге появилась рослая девушка в полупрозрачном пеньюаре, ее глаза спокойно смотрели на меня.

– Нина? О ком идет речь?

– Сделайте одолжение, позовите Елену Петровну Чижову, – попросил я.

– Слушаю.

– Это вы?

– Да, – кратко ответила хозяйка.

– Вашу дочь зовут Ниной?

– У меня нет детей.

– Нина Чижова, годовалый младенец, – попытался объяснить я.

Елена помотала головой.

– Вы ошибаетесь. Я только неделю назад вышла замуж и никак не могла успеть родить. Понимаете, беременность у женщины длится девять месяцев!

Несмотря на то что последнюю фразу девица произнесла вежливо, мне стало ясно: она откровенно издевается над незванным гостем.

– Некоторые особы, выйдя из загса, торопятся к детской коляске, которую качает нянька или бабушка, – пошел я в атаку, – невинность невесты в наше время скорее исключение.

– Вы осмелитесь повторить это в лицо моему супругу? – усмехнулась Елена. – Сразу предупреждаю, он долгие годы занимался боксом.

– Простите, если я показался вам грубияном, – живо сменил я линию поведения, – разрешите представиться... э... Владимир Оборвихвост.

Елена засмеялась и тут же сказала:

– Простите, наверное, вас обижает такая реакция на вашу фамилию?

Я развел руками.

– Давно привык! У меня она очень редкая!

Причем настолько, что я ухитрился забыть, что написано у меня в паспорте. Кажется, я перепутал, не Оборвихвост, а Вырвихвост, но этого госпоже Чижовой лучше не знать.

– Однако не в фамилии дело, я секретарь общества «Добрая душа», мы помогаем больным детям, собираем для них деньги, – продолжал я.

– Понимаю, – кивнула Елена, – но финансами в нашей семье ведает муж. Майкл вернется с работы около девяти вечера, если спешно не улетит в командировку, его бизнес требует постоянного присутствия. Вам следует обратиться к моему супругу. Впрочем, если вас устроит сто долларов, я охотно дам их для несчастных инвалидов, но вам придется оставить чек или квитанцию.

– Вы неправильно меня поняли! Я пришел не просить деньги, а дать их!

Брови Елены поползли вверх.

– Да?

Я кивнул.

– Наше общество, как я уже говорил, оказывает помощь больным, нуждающимся в деньгах на лечение. Некоторое время назад в «Добрую душу» обратилась мать Нины Чижовой, она представила выписку из истории болезни, девочка наблюдается в клинике имени Кладо и, увы, находится в тяжелом состоянии.

– Клиника, – неожиданно воскликнула Елена и сделала шаг назад, – жуть! На карточке стоял штамп!

– Вы вспомнили Нину? – насторожился я.

Елена схватила меня за руку, втащила в прихожую, захлопнула дверь и сердито сказала:

– Какого черта ты сюда приперся?

– Девочка серьезно больна, а у Варвары нет денег на лечение, вот мы и решили выделить дотацию.

– Что за Варвара? – нервно перебила меня Елена.

– Юная девушка, школьница, она назвалась матерью девочки.

– Ерунда, – зашипела Елена, – убирайтесь прочь! Не говорите глупости!

– Может, ваш муж в курсе дела? – нажал я на болевую точку. – Я приду попозже, около десяти вечера, ок?

– Не смейте даже приближаться к нашей квартире! – воскликнула Елена.

Голос молодой женщины звучал уверенно, в нем слышалось справедливое негодование, но в глазах мадам Чижовой явственно читался страх.

– Хорошо, – мирно согласился я, – поеду к нему на работу, дайте адрес офиса.

– Офигел, дурак? – Девица вмиг выпала из образа добропорядочной жены.

– Я обязан выполнить свою работу.

Елена схватила со столика изящную сумочку, вынула из нее кошелек, достала несколько ассигнаций, протянула их мне.

– Держи и уходи.

– Не могу! Просьба о помощи зарегистрирована, сумма выделена, я должен ее вручить.

– Вас обманули!

– Нет, мы тщательно проверяем бумаги! Нина больна!

– И что, эта Варвара указала адрес по улице Фарфоровый Завод? – взвилась Елена.

Я торжествующе улыбнулся.

– Она предъявила медицинскую карту и сказала, что сама явится за средствами, дескать, дома дед алкоголик, он отнимет у нее деньги и пропьет. Нам показалось подозрительным ее поведение, поэтому я поехал в лечебницу и удостоверился: Нина Чижова состоит у них на учете, девочка больна. Варвара не солгала. И адрес я взял из документов медицинского учреждения. Вот только маленькая деталь: матерью девочки там записана не Варя, а Елена Петровна. Правда, странно?

Хозяйка села в кресло, потом вдруг спросила:

– Сколько тебе дать, чтобы ты ушел и больше не появлялся? Тысячи баксов хватит? Впрочем, я удвою сумму, если ты успокоишь идиотов-благотворителей, скажешь им: «Ок! Чижова бабки получила!» Соглашайся, это выгодное предложение, ты получишь две штуки от меня и те, что на Нинку выписали!

– Ничего не получится! – воскликнул я. – У нас строгий учет! Требуется подписать бумаги.

– Вытаскивай ведомость, – кивнула Елена, – оформим в наилучшем виде.

Я без приглашения опустился на диван.

– Леночка, насколько я понимаю, Нина ваша дочь?

– Не твое дело! Забирай лавэ и отваливай, – обрела истинное лицо красавица.

– Очень глупое поведение! И уж ни в коем случае вам нельзя оставлять автограф на документах, – укоризненно сказал я. – Предлагаю бартерную сделку: вы рассказываете, где Варвара, а я молчу про Нину. Ваш муж ведь не знает про девочку? Кстати, еще один совет: если вы стали жертвой шантажиста, никогда не платите денег, мерзавец не успокоится, будет постоянно выкачивать из вас средства. А мне не нужны деньги!

– Чего же ты хочешь? – спросила Елена.

Я закинул ногу на ногу.

– Адрес Варвары. Она заявила, что я являюсь отцом ее ребенка, Нины Чижовой.

– Ты кто? – на этот раз с искренним удивлением поинтересовалась Елена.

– Сейчас объясню, – ответил я и рассказал ей почти всю правду, вернее, в моем повествовании не было лжи, просто я был не до конца откровенен, не назвал свое настоящее имя и не упомянул о Норе.

– Не знаю никакой Варвары, – вздохнула Елена, когда мой рассказ иссяк.

– Леночка, вы обманщица, – мягко укорил я.

– Честное слово, никогда не слышала о ней.

– И о Нине тоже?

Чижова встала и начала ходить по холлу.

– Ну ладно, – решила она, – это дурацкая история, но я в нее вляпалась. Понимаешь, мой отец был истово верующий человек. Прямо псих с иконой! Дома пост держали постоянно, даже на Пасху и Рождество отец нас в еде ограничивал. Детство у меня было, слов нет, жуть! Подъем в пять утра, час на молитву, потом уборка квартиры и в школу. Все девочки в коротких платьях, я подолом пол мету, на голове платок. Ни о каких там спортивных секциях или театральных кружках даже заикаться нельзя, в них «беса тешат». Уроки отсидела – и домой! Теле-

визора, радио, магнитофона у нас не было, даже телефон отец срезал, потому что это «адское изобретение». Ванная комната у нас запиралась на ключ, в душ пускали лишь по четвергам.

– Почему? – изумился я.

– Каждый день моются только блудницы, – горько улыбнулась Елена.

– Похоже, ваш отец мало общего имел с истинно верующим человеком, – покачал я головой.

– Фанатик, – кивнула хозяйка, – в самом ужасном его проявлении. Маму он мучил еще больше, чем меня, и в конце концов мы сбежали, насыпали ему в воду снотворное и деру! Прямоком на вокзал кинулись, сели в поезд и в Москву подались, решили, здесь он нас не найдет.

Елена перевела дух и продолжила:

– И точно! Больше я папашу не видела, через год узнали – он умер. Первое время нам с мамой туго пришлось, затем она пристроилась пиццу на дом развозить, а я работала в магазине продавщицей. Ну и произошла с мамой потрясная история, она вышла замуж за американца, вернее, он из наших, укатил в семидесятых в Атланту, бизнес поднял, разбогател. Короче, мать сейчас в шоколаде: собственный дом, несколько машин, счет в банке.

– А вас она кинула?

– Нет, конечно, с собой звала.

– Почему же вы не поехали?

Елена поманила меня пальцем.

– Пошли на балкон, я дома не курю. По какой причине я решила в Москве остаться? Влюбилась. Думала, всю жизнь вместе проведем, забеременела, ребеночка родила, Нинку, а он...

Девушка оперлась на перила лоджии и замолчала.

– Бросил вас, – завершил я за нее фразу.

– Ага, – по-детски шмыгнула носом Елена, – я маме про беременность ничего не сообщала, думала, она ругаться станет, кричать: «Штампа в паспорте нет, а в постель с мужчиной легла». Толик мне твердо пообещал: появится ребенок – женюсь. Но он даже в родильный дом ни разу не приехал! Исчез! Я сюда одна вернулась, вернее, с Ниной. А через некоторое время звонок из Атланты: Олег, отчим, на проводе, мило так попросил: «Элен, приюти на время сына моих друзей, Майкла. Он тоже этнический русский, едет в Москву по делам бизнеса, открывает в России сеть магазинов!»

Отказать Олегу я не могла! И дико испугалась! Этот Майкл увидит Нинку, расскажет своему отцу, тот насплетничает другу, Олег, ясное дело, пристанет к маме с вопросами, вот правда наружу и вылезет!

– Вы молчали о дочери? – изумился я.

Елена кивнула.

– Но почему?

– Боялась, – тихо ответила девушка, – папино воспитание сработало, думаю, в нем все дело. Ну чего стыдного в ребенке?

– Ничего, – пожал я плечами.

Елена скрестила руки на груди.

– Так все запуталось! Эту квартиру мне Олег подарил, сказал: «Живи счастливо, ни о чем не думай, учись в институте». А меня любовь закрутила, я учебу забросила, родила невестку от кого.

– Ясно, – сказал я.

– Ничего тебе не ясно, – обозлилась Елена, – все из-за отчима случилось! Он хотел как лучше!

– А вышло как всегда, – процитировал я культовое выражение.

Глава 7

Елена кивнула:

– Ну да! Олег с мамой не знали про мою любовь. Я мотивировала свое желание остаться в Москве другой причиной: дескать, хочу получить образование в МГУ. Отчим попытался меня отговорить, начал перечислять американские колледжи, объяснял: «Детка, в Штатах не самые худшие профессора».

– Да только дело было не в дипломе, – перебил я ее.

Елена развела руками.

– Любовь, блин! Я обманула всех! Так глупо вышло! Окончательно во вранье запуталась! Пришлось маме и Олегу сказать: поступила на первый курс, приехать к вам в гости не могу, иначе учеба прахом пойдет. Я боялась беременной на самолете туда-сюда летать. Срок был маленький, но, говорят, от перелета выкидыш бывает!

Я внимательно слушал Лену. Ее отец перегнул палку, воспитывая дочь в излишней строгости, и вот вам результат: эффект маятника. Если на ребенка слишком давить, скорей всего, получите не то, что ожидаете. Гиря сначала пойдет вправо, но затем метнется в обратную сторону. Чем сильнее крикнешь, тем громче эхо, из плотно заткнутой бутылки пробка вылетает с очень громким хлопком, а у слишком туго завернутого винта срывает резьбу.

Елена упорно лгала маме и отчиму и получала от них достаточно денег. Олег и Катя полагали, что девушка овладевает знаниями, а она думала лишь о предстоящей свадьбе, а потом осталась одна с малышкой. Неизвестно, как бы развивались события дальше, но тут заботливому отчиму пришла в голову гениальная идея, как заставить Лену переехать в Атланту. Он решил влюбить ее в американца, у Олега имелась замечательная кандидатура на роль жениха: Майкл, сын его ближайшего приятеля. Воодушевившись этой идеей, Олег отправился к товарищу, и они решили судьбу детей.

Майклу сказали, что отец доверяет ему изучить российский рынок на предмет открытия там магазинов, жить в московской гостинице опасно, поэтому он поселится у Лены.

Понимаете, как перепугалась Чижова, узнав, что через пару недель к ней приедет молодой человек? Необходимо спрятать Нину! И Лена отдала девочку в чужие руки.

– Ничего себе, – возмутился я, – вы избавились от малышки!

Елена дернула плечом.

– Я не хотела ребенка!

– Зачем же рожали? В России разрешены аборты.

– Грех убивать дитя!

– Ты сейчас говоришь всерьез? – не выдержал я. – А вышвырнуть его вон хорошо?

Лена сказала:

– Если бы меня Толя не обманул и повел в загс, я воспитывала бы дочь. Но он смылся, а девочка без мужа мне не нужна, я хотела быть не с ней, а с Анатолием.

– Замечательно, – пробормотал я, – и где ребенок?

– Мы с Майклом полюбили друг друга, – Лена попыталась повернуть разговор в иное русло, – с первого взгляда. Через пару месяцев мы уезжаем, я уже отослала документы в университет в Атланте.

– Восхитительно!

– Олег очень рад, что роль свахи удалась ему в полной мере.

– Где Нина? – бесцеремонно перебил я Чижову.

– Не могу сказать.

– Почему?

– Это не моя тайна!

– Получается, что секрет известен многим, – безжалостно заявил я.

– Вы о чем? – удивилась Лена.

– Девушка, в руки которой попала ваша дочь, весьма непорядочно себя ведет. Варвара пытается повесить на меня отцовство. А я, как вы понимаете, не намерен служить мальчишкой для битвы и непременно отыщу нахалку.

– Боже! – заломила руки Елена. – Никакой Варвары нет! Нину забрала милейшая Анечка... у нее... о господи! Все так сложно! Ну прямо сил нет! Я не сумею объяснить!

– Думаю, вам следует попытаться это сделать, – обозлился я.

Лена прижала руки к груди.

– Поймите, я жертва обстоятельств! Уже рассказывала вам о своем ужасном детстве!

– Давайте вернемся к Нине!

– Ее отдали в другую семью.

– Кому?

– Ну... Понимаете, иногда у людей нет детей, а они хотят наследника.

– Дайте телефон женщины, которая забрала Нину!

– У меня его нет.

– Адрес?

– Не знаю!

– Как же вы оформляли документы?

– Э... никак, – растерянно заявила Лена, – мы встретились у Центра, и все! Я отдала ей Нину! Она в короб не влезла! Из-за толстого одеяла.

На секунду я онемел и растерялся. О каком коробе ведет речь Лена? Потом я возмутился:

– Даже котенка не сплавляют невесть кому! А вы! Взрослый человек, погубили малышку!

– Почему погубила? – дрожащим голосом возразила Елена. – Аня была хорошо одета, с обручальным кольцом, она очень достойно выглядела и обещала, что будет заботиться о дочке. Ей найдут семью. Чего еще желать?

– И кто вас познакомил?

– Никто.

– Вы ходили по улицам и кричали: «Отдаю девочку в хорошие руки!»?

– Скажете тоже! – фыркнула Лена. – Нет, конечно! В Интернете есть сайт, вот там мы и сговорились.

– Где? – устало переспросил я.

Елена забежала глазами по сторонам, потом подошла к компьютеру.

– Сейчас покажу.

Елена оказалась активным пользователем, ее тонкие пальчики уверенно нажимали на кнопки клавиатуры, и в конце концов перед моим взором открылась страница «Помощь. ru.»¹⁰.

– Где оно, – забормотала Лена, – во! Читайте. В самом низу объявление.

«Если у вас должен появиться нежеланный ребенок или вы уже стали матерью, но не хотите ею быть, не губите дитя, не берите грех на душу. Позвоните по телефону, и мы устроим младенца в хорошую семью. Не убивайте новорожденных, Бог вам этого не простит. Мы также берем на воспитание детей любого возраста. Центр „Мария“».

Я перевел глаза на Лену.

– И вы обратились к людям из этой организации?

– Ну да, – закивала Елена, – они очень внимательные, добрые. Сначала говорили со мной по телефону, а затем я встретила с Аней.

– Как же это произошло?

¹⁰ Сайт придуман автором, любые совпадения случайны.

– Обычно, – улыбнулась Лена, – меня попросили приехать, я хотела сначала Нину вместе с документами передать, но она не поместилась в короб, пришлось звонить, вышла женщина, назвалась Аней и забрала девчонку. Ну и все!

– Вы даже телефона этой Анны не взяли!

– В Центре предупредили: главное – анонимность. Новые родители не желают светиться. Вполне вероятно, что Аню зовут иначе, – разоткровенничалась Лена.

Я потряс головой: более дикой истории в своей жизни не слышал!

– Лена! А каким образом в клинике имени Кладо оказалась история болезни вашей дочери?

– Я отдала Ане медкарту.

– Минуточку. Давайте по порядку. Если вы не хотели воспитывать ребенка, то зачем поставили его на учет в медицинском учреждении?

Лена откинулась на спинку стула.

– Вы тупой и непонятливый! Говорила же! Меня обманул Толя! Сначала сказал: «Обязательно рожай, как только появится младенец, сразу поженимся!» Ну я и легла в роддом, выбрала хороший, платный. А у него договор с клиникой Кладо, она здесь неподалеку, буквально за углом. Вы рожаєте ребенка, и его сразу ставят на учет, первый месяц вы обслуживаетесь бесплатно, это бонус от роддома, потом уже за деньги. Я никуда не ходила, Нину не прописывала, в загсе ее не регистрировала. Когда Аня бумаги забирала, я ей карту младенца из роддома отдала, и все! Мы никогда в клинику не ходили, Нине три месяца исполнилось, когда Майкл в Москву приехал.

Лена замолчала, а я попытался сосредоточиться. Очень хорошо помню, что Варвара ткнула Норе под нос довольно толстую тетрадь, на обложке которой была надпись «Нина Чижова», а сверху штамп клиники.

– Знаешь что, – вдруг оживилась Елена, – я только сейчас сообразила! Никаких доказательств того, что я родила Нину, нет! Свидетельство о рождении я не оформляла! Можешь даже не пытаться меня шантажировать!

– Я уже говорил, что озабочен собственной проблемой, – ответил я, – кстати, следы всегда остаются! Вы же рожали не в одиночестве? Есть врач, акушерка, педиатр, который осматривал новорожденную, думаю, в роддоме хранится история, так сказать, вашей болезни. Опять же клиника Кладо, там имя Нины занесено в компьютер. Хотя очень странно... Если вы не оформили на девочку метрику, то почему ее записали Ниной?

– Я так велела, – пояснила Лена. – В палату пришла медсестра и говорит: «Мы дарим вам месяц бесплатного обслуживания в детской клинике. На кого оформим карточку? Можете назвать имя? Если потом зарегистрируете ребенка по-другому, то там просто исправят». Ну я и сказала: «Нина». Не терять же подарок! Поймите, я не знала, что Толик не придет за нами и вообще исчезнет! Думала, мы поженимся, строила планы! Ребенку ведь врач нужен! А тут еще и бесплатно!

– Я перепишу телефон с сайта?

– Да, пожалуйста, – милостиво разрешила Лена, – он же не секретный, любой найти может!

Оказавшись на улице, я сделал пару глубоких вдохов, слегка успокоил возмущенные нервы и вернулся в детскую клинику.

– Владимир! – заулыбалась Роза. – Вы вернулись! Но сейчас я не смогу отойти!

– Понимаю, – кивнул я, – работа прежде всего. Скажите, Роза, это медицинское учреждение хорошее?

Администратор быстро посмотрела по сторонам и, понизив голос, ответила:

– Своим не посоветую.

– Врачи плохие?

– Специалисты нормальные, но уж очень здесь пафосно и цены головокружительные, – зашептала Роза, – лучше найти лечебницу без ковров на полу, дешевле встанет. Но некоторые готовы оплачивать интерьер.

– Странно, что клиника подобного уровня до сих пор пользуется обычными историями болезни.

– Все врачи непременно оформляют документы!

– От руки? Человечество давно изобрело компьютер.

Роза заложила за ухо прядь волос.

– Наши доктора имеют ноутбуки, в больнице полный прогресс. Педиатр заполняет лист посещения, потом, опля, и он у нас в регистратуре.

– Да ну? Значит, все посещения Нины Чижовой запротоколированы?

– Само собой.

– А можно посмотреть, чем болела малышка?

– Нельзя, – улыбнулась Роза, – но для вас, Володечка, я пойду на должностное преступление. Айн, цвай, драй! Ха! Она у нас не бывала! Это очень странно! Ни разочка мать не заглянула и патронажную медсестру в дом не пустила.

– Вы уверены?

– А вот пометка, – охотно пояснила Роза, – понимаете, у нас договор с роддомом. Всем мамочкам мы предоставляем бесплатный месяц, а там уж кто как пожелает. Многие, кстати, остаются. Это наша главврач Елизавета Михайловна придумала. Знаете, люди обожают халяву! Во время бесплатного месяца всех врачей пройдут, по три раза у специалистов побывают, анализы на дармовщинку сдадут. А Нину не приносили! Наверное, родители ее сразу в другую лечебницу пристроились. А завтра я свободна! Могу пойти в кино!

– Увы, у меня обратная ситуация, я вынужден тосковать на службе, – заулыбался я, – но жизнь-то завтра не заканчивается! Непременно загляну в свободную минуту!

Роза покраснела, а я быстро ретировался, добежал до метро, сел на скамейку в маленьком скверике и вытащил новый розовый мобильный. В конце концов, наплевать, каков внешний вид у аппарата, к тому же мне не нужны новомодные штучки, вроде фотоаппарата, видеокамеры и выхода в Интернет, а вот удобные большие кнопки радуют. Я легко набрал номер.

– Центр «Мария», – ответил нежный женский голос.

– Здравствуйте.

– Добрый день.

– Э... понимаете... ну...

– У вас проблема? – участливо спросили на том конце провода.

– Да!

– Нужна помощь?

– Очень.

– Приезжайте!

– В смысле? – удивился я.

– Наш адрес улица Первоприходная, мы работаем круглосуточно.

– Простите, не понял. Я могу явиться в Центр?

– Естественно.

– Вот так, с улицы?

– Мы не спрашиваем рекомендаций, нас не волнует ваша регистрация, гражданство и прочие бюрократические крючки.

– Вы занимаетесь детьми?

– Мы помогаем женщинам, которые попали в тяжелые обстоятельства.

– Но я мужчина!

– И что? Мы не отказываем никому из расовых, половых или религиозных предрасположений, – мягко заметила собеседница, – раз вы набрали номер Центра, следовательно, попали в сложную ситуацию.

– До которого часа вы работаете?

– Круглосуточно.

– Сколько стоит прием?

– Помощь оказывается бесплатно.

– А кого спросить, когда я приеду?

– Любого сотрудника.

– Хорошо, – промямлил я.

– Как вас зовут? – вдруг спросила дама.

– Ва... Володя, – ответил я.

– Очень приятно, Ната, – представилась собеседница, – конечно, вы сами примете решение о целесообразности появления у нас, просто скажу: некоторые мужчины, оставшись одни с ребенком, теряются. Это не признак слабости, ничего стыдного в том нет. Не совершайте непоправимого поступка, не губите младенца, он будет счастлив в хорошей семье. Понимаете?

– Более чем, – ответил я, – непременно приеду! Но только завтра. Вы будете на работе?

– Нет, – сказала Ната, – в шесть утра я уйду домой, но у нас все сотрудники нацелены на решение ваших проблем. Очень вас ждем.

– Спасибо.

– Помните, мы любим вас, – тихо произнесла Ната, – чужого горя не бывает.

Из трубки полетели гудки, я сунул мобильный в карман. Это розыгрыш? Шутка? Невозможно поверить, что в столице существует подобный Центр. Кто его содержит? Религиозная секта? От последних слов Наты про любовь пахло чем-то потусторонним. Буддисты? Кришнаиты? Адвентисты седьмого дня? Свидетели Иеговы?

Я встал и пошел в сторону толпы, штурмовавшей вход в метро. Кто бы ни была женщина с вкрадчивым голосом, она знает, как найти Аню, взявшую Нину Чижову. Но мне придется временно отложить поиски младенца и подлой Варвары, пора приступать к исполнению роли шпехтальмейстера.

Глава 8

– Молодец, – похвалил меня Мара, – не опоздал, потопали! Ну и свезло нам сегодня, только двор перейти. Такое редко случается, обычно приходится в автобусе париться. Тебя укачивает?

– Не замечал, – ответил я.

– Еще не вечер, – оптимистично заметил Мара, – через пару часов на колесах любого уконтрапупит. Во, нам сюда.

– Пстой, – притормозил я шебутного парня, – смотри, центральный вход слева, а ты направо повернул.

Мара засмеялся.

– Так то главная дверь, для зрителей, они билеты купили, или им начальство праздник устроило. А мы, артисты, прём через задний вход. Ищи самую обшарпанную створку, желательно около мусорного бачка, нам стопудово туда. Во! Оно самое!

Мара пнул покореженную, местами ржавую железную дверь, за ней открылась узкая крутая лестница.

– Плиз, – хохотнул парень, – старик Станиславский чегой-то попутал с вешалкой! Для нас усё начинается с помойки!¹¹

Мы поднялись по узким ступенькам и наткнулись на медведя. Топтыгин выглядел очень несчастным, он стоял у стены, закрыв глаза, и казался спящей плюшевой игрушкой. Моя рука машинально потянулась к мишке. В ту же минуту Мара крикнул:

– Эй, чего ты хочешь?

– Мишку погладить, – пояснил я.

Акробат быстро отпихнул меня в сторону.

– Дурак, не подходи к нему!

– Он же дрессированный, – возразил я, – значит, любит людей.

– Ошибаешься, – протянул Мара, – Тихон всех ненавидит. Медведь самое опасное цирковое животное, лучше с тигром в одной клетке оказаться, чем с мишенькой. Живо руку отгрызет. Непредсказуемый. Небось ты русские народные сказки в детстве читал? Так они врут! Даже не приближайся к Тихону, хуже его у нас только Энди, он пьяных ненавидит, если учует запах спиртного, звереет, а еще, блин, весь в блохах! Такие заразы, на людей перескакивают, потом чешешься до крови!

– Почему Энди их не выведет? – растерянно спросил я, мигом вспомнив, как старший Морелли утром безостановочно скреб голову пальцами.

– На фиг Энди с паразитами бороться, – зевнул Мара, – у него такая густая шерсть! Это просто невозможно.

– Не заметил у твоего брата повышенной волосатости! Где же у него блохи живут? – поразился я.

– В шкуре, – пояснил Мара и ткнул пальцем в сторону мишки, – во, позырь, он на ковер похож.

– Так ты о медведе толкуешь! – с запозданием дошло до меня.

– Ну да! У кого еще стока волос? Не у Энди же, он башку под шапку бреет!

– Зачем? – совсем запутался я.

Мара вздохнул.

¹¹ Станиславский (Алексеев) К.С. (1863–1938) – режиссер, актер, педагог, теоретик театра. Ему приписывают фразу: «Театр начинается с вешалки».

– Похоже, ты не знаешь ничего из того, что известно даже детям. Перш не поставишь на кудри, он соскользнет, поэтому нижний натягивает на башку клизму.

– Резиновую?

– Нет, железную, – заржал Мара, – клизма – это шапка, облегающая череп, а уж на нее водружается перш! А шевелюра мешает. Просек?

Внезапно мне стало обидно.

– Спорю, что ты никогда не читал поэта Буало?

Мара спокойно кивнул:

– Точно. Не люблю книги, в какой-то из школ меня заставили «Муму» пролистать, я весь обревелся, больше не хочу. И глаза болят от мелкого шрифта.

– А я отлично знаю литературу, не только отечественную, но и зарубежную, – хвастливо заявил я, – интеллигентный человек обязан прочесть Чехова, Достоевского, Куприна, Золя, Бальзака...

Запал кончился, воздух в легких тоже. Мара чихнул и мирно ответил:

– Я кручу сальто с места. Ты так умеешь?

– Нет, а что?

– Каждому свое, – философски сказал Мара, – один слишком умный, а мышцы как веревки, другой писать не умеет, но легко стойку на пальцах делает. Ферштейн? Эй, эй, Тихон, зитцен!

Зашевелившийся было мишка вновь впал в кому.

– Он понимает команды на немецком языке? – поразился я.

Мара склонил голову набок.

– Ты словно с луны свалился. А на каком наречии с ним болтать?

– Ну... Тиша же наш, российский медведь!

Мара захихикал:

– Эх, Ваня, умрешь с тобой. Во всех цирках мира арена одного диаметра, и общаются наши по-немецки, это из-за трюков и животных. Сделают номер, отработают, и как его на другой площадке показывать?

– Театр же выступает на любых подмостках.

– Че, там акробаты есть, у которых расчет по сантиметрам? – шмыгнув носом Мара. – Не допрыгнул и маковкой в ковер впечатался! А звери! Они же из вагона не выйдут, если команду не поймут! Немецкий для них как эсперанто. Тихон, нихт эссен!¹²

Медведь, явно собравшийся погрызть подоконник, зло посмотрел на парня.

– У него намордник, – напомнил я.

– Знаю Тихона как облупленного, – фыркнул акробат, – он...

Договорить Мара не успел, из глубины здания полетел вопль, похожий на рев раненого бизона:

– Суки! Гады! Ну покажу ему!

– Облом! – с горечью щелкнул языком Мара. – Вот, блин, уже третий раз!

– Что? – не понял я.

В воздухе повеяло ароматом детского мыла, вслед за запахом появилась девушка в джинсах.

– Кирдык, – сказала она.

– Вау! – погрузнел Мара.

– Трофимов урод! – продолжала незнакомка.

– Этта точно, – согласился Мара.

– Энди денег сегодня не даст!

¹² Нихт эссен – вероятно, nicht essen, искаженная фраза на немецком языке – «не есть».

- Понятно!
- И завтра хрен получим!
- Угу!
- А это кто с тобой? – проявила любопытство девушка.
- Шпрех, – коротко ответил Мара.
- Жозефина, – представилась незнакомка, – ну, покедова.
- Пошли, – повернулся ко мне акробат, – отмена! Не работаем.
- Почему? – впал я в изумление.

Мара схватил меня за руку и потащил вниз.

– Запомни. Если случился косяк, главное – не попасть под руку Энди, убьет не глядя. Он дико сильный, Тихона щелчком уложит! Мы же не одни с программой, другие коллективы есть. В принципе, особой конкуренции нет, но вот Трофимов! Это он крысятничает! Назло нам делает!

– Это как?

– Ну смотри. Энди договорился о выступлении, обозначил сумму. А потом прикатывает Трофимов и заявляет организаторам: «Наша программа лучше, и возьмем мы дешевле». Врет не моргнув. У него отребье в команде, заднее сальто не скрутят! И четыре дряхлых пуделя в юбках! Да только зрителю это по фигу. Он че понимает? Допустим, трио Банкин. Два мужика и баба. Парни выходят, берут в руки две палки, а девка начинает на них этюд отрабатывать, туда-сюда вертится. Сначала они с двумя балансами работают, потом, опля, одну дубину очень эффектно отбрасывают, и партнерша дальше хреначит. Народ ревет от восторга! Им, дуракам, кажется, что на одной палке трудно стоять. Ну как, Ваня? Ты согласен про один баланс?

– Да, – осторожно ответил я.

– Дурак, – констатировал Мара, – одной палкой они свою бабу всегда поймают, а вот с двумя очень сложно. Все наоборот! Только народ не в теме. Поэтому трофимовские на ура проходят. Сегодня они нас опять обштопали! И денег фиг!

– А неустойка? – возмутился я.

– Чего? – скривился Мара.

– Вы договор подписываете? Директор есть? Кто занимается организацией концертов? – попытался я разобраться в ситуации.

– Энди у нас за главного, – вздохнул Мара, – он умный, хорошо читает, разговаривать умеет. Не как ты, конечно, слов таких сильно умных не знает, но тоже может впечатление произвести.

– Денег нет, – заявил материализовавшийся из ниоткуда Антонио.

– Слышали, – кивнул Мара, – и че? Лично мне жрать охота! А ты, Вань, как насчет кусалова?

– Если предложат большой бифштекс и гору жареной картошки, не откажусь, – вздохнул я.

– Мими! – заорал Мара. – Ты где?

Из-за спины Антонио выглянула обезьянка.

– Денег нет! – сообщил младший Морелли.

Макака закивала.

– Работаем? – прищурился Мара.

Мими ухватила меня за руку.

– С ним? – удивился Антонио.

Обезьянка заулыбалась и полезла в свою спортивную сумку. Я разинул рот. Мартышка вытащила платье, парик из светлых длинных волос и начала быстро превращаться в женщину.

– Ваня, ты в покер играешь? – осведомился Мара.

– На уровне примитивного любителя, – пояснил я.

– Сойдет, – обрадовался Антонио, – значитца, так! Слушай внимательно!
Узнав, что предстоит делать, я откровенно испугался.

– Не сумею достойно разыграть спектакль, испорчу все дело.

– Не дергайся, – успокоил меня Мара, – если в одном месте не получится, в другое направимся. В конце концов все станцуется.

– В самом худшем варианте пятак начистят, – весело заявил Мара, – Ваня, ты трус?

Я вздохнул и честно ответил:

– Да!

– Мы тоже, – на полном серьезе констатировал Антонио, – но жрать охота. Ладно, хватит бухтеть, работаем. – И объяснил мне, что делать. – Ваня, запомнил роль?

И что мне оставалось? Только соглашаться. Внезапно Мара обнял меня за плечи.

– Спокуха. Первое правило арены: ничего не бойся и верь в себя. Второе: жизнь – игра, мы получаем от нее удовольствие. Третье: не планируй неприятности, иначе утонешь в них! Четвертое...

– Пришли, – оборвал брата Антонио, – я, соответственно, начинаю! Мара, ты на дверях. Мими, солнышко, вперед! Ваня! Где кураж? Представь, что там арена, зритель. Ну! Айн, цвай! Через пять минут твой выход, готовь антре!

Я глубоко вдохнул, выдохнул, вдохнул, выдохнул и вошел в небольшой бар, набитый мужчинами.

Мими уже сидела за столиком у стены. Я, изображая благородное негодование, воскликнул:

– Вот ты где! Опять в карты режешься!

Макака опустила голову. Если не знать, что Мими обезьяна, то легко примешь ее за женщину. Тело ее скрывало широкое платье с длинными рукавами, ноги обуты в ботинки, на голове парик из длинных светлых волос, а лицо закрывают огромные очки. Губы, накрашенные ярко-красной помадой, завершали образ.

– Это невозможно! – вопил я.

Бармен опустил стакан, который тщательно протирал салфеткой, и спросил:

– Чего орешь?

– Много она проиграла?

– С обеда сидит, – меланхолично отозвался успевший войти в помещение Антонио, – денег у бабы лом! Ща моя очередь с ней партийку раскинуть.

– Нет! – замахал я руками. – Милая, пошли домой!

– Не лезь! – занервничал Антонио. – Уговор дороже денег. Мужики, кто хочет в покер сесть? Тут баба в компании!

– Я! – воскликнули сразу три идиота.

– Вы уж там сами договоритесь, – фыркнул средний Морелли, – да поживей. Я у ней тридцать две тысячи отжал, еще охотца.

– Мы вместе! – кинулись к столику мужчины.

– Э нет! – отмер я. – Сам сяду! Моя жена дура! Хочу ей помочь! Только объясните побыстрее правила. Это вроде дурака? С подкидными картами?

Бармен заржал:

– Вау! Сладкая парочка! Семья великих игроков! Матч века! Чемпионат по покеру!

– Замолчите, – велел я, – сделайте одолжение, не вмешивайтесь!

– Уже сижу! – воскликнул один из посетителей и плюхнулся на свободный стул. – Давайте хоть познакомимся, Сеня.

– Антон, – представился Антонио, – а ты как кликать?

– Вовчик, – заявил я.

– А бабу?

– Кассандра, – ляпнул я.

И сам поразился, ну при чем тут дочь Приама, царя Трои, получившая пророческий дар от самого Аполлона?

– Значитца, Кася, – подвел итог Сеня, – кто сдает?

Антонио вынул из кармана большой портсигар, положил его на стол и галантно предложил:

– Пусть дама мечет!

Морщинистые лапы Мими начали быстро тасовать колоду.

– Можно курево взять? – спросил Антонио и указал на ярко начищенный серебряный портсигар, лежащий около макаки.

Обезьянка кивнула.

– Чегой-то руки у нее странные, – протянул Сеня.

– Артрит, – пояснил я, – в детстве работала... э... на рисовой плантации. Она сирота, родители рано умерли, воспитывалась дядей, вот он и заставил девочку в воде сутками возиться.

– Сволочь! – покачал головой Сеня. – А че она молчит?

– Так немая, – нашелся я, – тот же дядя в детстве ее по голове ударил и речь отшиб, хорошо хоть слух остался!

– Убивать таких извергов надо, – с чувством произнес Сеня и взял карты.

Первая игра сложилась быстро, Сене перла удача, у меня не составилось даже завалященькой пары, а Мими ошиблась, она гордо выложила супернабор: десятка, валет, дама, король, туз. Вот только в нем перемешались пики с трефами.

– Ну попутала масти, – довольно засмеялся Сеня, сгребая купюры, – с кем не бывает! Сдавай, голуба, у тебя шикарно получается.

Стоит ли упоминать, что и вторую игру тоже легко выиграл Семен.

На третьей сдаче ко мне пришли две десятки. Я с недоумением взглянул на Мими. Этак мы проиграемся в пух и прах. Кстати, откуда у макаки деньги? Антонио чихнул, я посмотрел на него, он быстро указал глазами на портсигар. Сеня, расслабленный двумя победами, не замечал ничего вокруг. Я посмотрел туда, куда велел средний Морелли, ахнул и начал кашлять, маскируя свое удивление. Мими так держала карты, что они отражались в блестящей крышке портсигара. Судя по увиденной картине, выигрыш нам не светил. У обезьяны была одна мелочовка.

Я приуныл, и тут Мими, изображая крайнюю нервозность, начала постукивать картами по столу. У меня, внимательно наблюдавшего за происходящим посредством портсигара, парализовало лицевые мышцы. Шестерка червей превратилась в туза той же масти, семерка треф преобразилась в самую старшую карту. Через пару секунд у Мими в лапах оказалось пять тузов. Решив, что это слишком, макака лихо «перекроила» один из них в короля, и эту игру мы взяли легко!

Через двадцать минут Сеня был раздет почти до трусов. Антонио и я, впад в раж, изо всех сил изображали негодование.

– Как ей прет! – орал акробат.

– Прямо волшебное везение, – вторил ему я.

В конце концов Мими сгребла колоду и сунула ее в сумку.

– Последний раз, – заныл Сеня.

– Нам пора, – быстро сказал я, – уже поздно.

– Еще девяти нет, – уперся мужик.

– У тебя деньги тю-тю, – напомнил Антонио.

– Ха! – выкрикнул Семен и швырнул на столешницу пару купюр. – Во!

Мими кивнула и вновь раскидала карты. На этот раз макака, очевидно, устав, решила не церемониться, она сразу сдала себе флеш-рояль, тут же открыла его, заграбастала купюры, мы с Антонио поднялись, и тут Сеня заорал:

– Стойте! Хрень получается!

Антонио кинулся к двери, Мими схватила меня за руку и дернула, но я, заинтригованный Семеном, глянул на карты, которые он бросил на стол. Два туза! И четыре у Мими! Обезьянка ошиблась, или что-то не сработало в хитрой колоде.

– Жулики! – ошарашенно выдохнул Сеня. – Каталы!

В ту же секунду он схватил стул и швырнул в меня. Я, проявив чудеса ловкости, успел присесть за секунду до того, как сиденье с четырьмя ножками просвистело над моей головой.

– Суки! – взревел Сеня, и тут в баре погас свет.

Глава 9

Пользуясь суматохой, мы с Мими ринулись к выходу. Вернее, нерастерявшаяся обезьянка, скорей всего уже бывавшая не раз в подобных переделках, уцепила меня за руку и поволокла к двери. В кафе творилось нечто невообразимое. Семен матерился во весь голос, остальные посетители орала, бармен повторял на одной ноте:

– Перестаньте, ща включат электричество. Тут рядом дом строят, из-за него вырубил, уже третий раз за вечер!

– Всем заткнуться! – завопил грубый голос, я так и не понял, кому он принадлежит, потому что мы с Мими уже успели выскочить наружу.

Макака, продолжая держать меня за руку, быстро шла вперед, ни Мары, ни Антонио рядом не наблюдалось. Через пять минут меня перестала бить дрожь. Слава богу, успели унести ноги.

– Эй, стойте! – донеслось с проезжей части.

Я повернулся и оцепенел, к нам подъезжала патрульная машина, из окна высовывался Сеня.

– Это он! – торжествующе объявил мужик. – Со своей женой-шулершей. Ща вам мало не покажется.

– Документы покажь, – велел один из ментов, выходя на тротуар.

Я беспомощно посмотрел на Мими и онемел от зрелища. Пока Семен и патрульные смотрели на вашего покорного слугу, макака, проявив чудеса ловкости, стащила с себя одежду, парик и стояла в, так сказать, естественном виде, то есть в чем мать родила. Она успела освободиться даже от ботинок! И уж совсем непонятно было, куда Мими спрятала шмотки, ведь никаких тряпок рядом с нами не валялось.

– Ваши документы! – сурово повторил другой мент, с кряхтением выкарабкиваясь из машины.

– Немедленно арестуйте его, – зашипел Сеня, – они с женой меня обжулили! У них карты крапленые! С шестью тузами! Еще с ними один парень был! Здоровенный такой!

Пальцы Мими сжали мою ладонь, из груди макаки вырвалось тихое, странное шуршание, нечто вроде укоризненного покашливания, такое издавал мой отец, когда видел на своем столе дневник сына с очередной двойкой по алгебре. Родитель никогда не ругал меня, не произносил гневных слов, но этот звук! Я искоса бросил взгляд на макаку, та моргнула раз, другой, третий. Внезапно меня охватил азарт. Черт побери, как недавно говорил Мара? Ничего не бойся, верь в себя, жизнь – игра, мы ею наслаждаемся!

– Вот паспорт, – улыбнулся я.

– Владимир Задуйхвост, – протянул сержант, – регистрация есть?

– Пролистните дальше, я москвич.

– А че фамилия такая?

Я пожал плечами:

– От прадедов досталась.

– Вы тут ерундой не занимайтесь, – начал злиться Сеня, – везите их в отделение.

– Момент, господа, – расцвел я в улыбке, – на дворе не тридцать седьмой год! Где санкция прокурора? В чем меня обвиняют? Просто так схватить человека нельзя.

– Этта ты ошибаешься, – хмуро сказал водитель, – для выяснения личности имеем право.

– Я показал паспорт!

– Хорош трендеть! – окончательно вышел из себя Сеня. – Вы с женой жулики.

– Тут какая-то ошибка, еще раз проверьте мои документы, – твердо ответил я, – я убежденный холостяк!

- Значит, она тебе любовница, – завопил Сеня.
- Кто? – усмехнулся я.
- Да вон же! Сзади прячется! – пошел он вразнос.
- Я обернулся и сказал:
- Мими? Помилуйте, господа, она же обезьяна!
- Воцарилась тишина, потом водитель хихикнул.
- Прикольно! Слышь, Андрюха, наши не поверят!
- Она точно с хвостом, – в полном восторге отозвался Андрей, – ваще, Колька! Эй, вы уверены, что именно эта пара вас в карты обчистила?
- Последний вопрос относился к Семену.
- Да! – заорал тот. – Она баба! Просто переделалась!
- Похоже, вы что-то путаете, – прищурился Андрей.
- Я руки ее запомнил, – пер напролом Сеня, – ейный муж сказал: жена в детстве на поле работала, гречку в воде собирала!
- Ну это ты не прав, – фамильярно заявил Николай, – гречиха нормально растет, вот рис в воде живет, нам в школе рассказывали, я хорошо помню.
- Так он про рис и говорил! – заголосил Сеня.
- Вы уж определитесь, – с сочувствием вклинился я в беседу, – чем там занималась в младенчестве моя супруга-макака, какую крупу собирала. Впрочем, думаю, что Мими рвала в Африке бананы. И потом, я что, зоофил? Ну как можно жениться на животном!
- Ты ее своей бабой называл! – затопал ногами Сеня. – Говорил, она все-все до копейки проигрывает! И за карты сел, чтобы дуре помочь! Сказал, что покер – это подкидной дурак! Я решил, что вы с картами обращаться не умеете! Потом два раза выиграл и поверил: идиоты за столом, устроил ставки, и тут ей как поперло!
- Я посмотрел на Андрея:
- Понимаете, что он говорит? Задумал обмануть каких-то простаков за игральным столом, и ничего не вышло!
- Мент крикнул, но промолчал, и тут из-за угла вырулил Мара.
- Сеня! – заорал он. – Слава богу, ты нашелся!
- Вы кто? – попятился тот.
- Твой шурин, – ответил Мара, – рули домой, Лена волнуется. Че, он опять у кого-то кошелек спер? Отпустите его, ребята, Семен больной на голову.
- С ума сойти! – завопил Сеня. – Я тебя не знаю.
- Успокойся, – нежно закурлыкал Мара, – скажи, тебя ведь Семеном зовут?
- Ну да, – опрометчиво согласился вконец одуроченный мужик.
- И откуда мне известно твое имя? – спросил коварный Мара.
- Сеня захлопнул рот, акробат посмотрел на патрульных:
- Ребят, мы сами разберемся. Я этому, с макакой, заплачу! Сколько хотите, молодой человек? – спросил у меня акробат.
- Ну уж нет! – взвыл Сеня и кинулся на Мару. – Ща те мало не покажется, ты с ними заодно! Обезьяна была в платье! И с волосами на голове! Блондинка! Она баба! Он парень! Муж не умел играть!
- Николай с Андреем переглянулись.
- Может, психушку вызвать? – с явным сочувствием к нам спросил первый.
- Не, спасибо, он не опасный, – ответил Мара, легко скручивая Сеню, – просто с закидонами! Вчера он кошке наших соседей предложение руки и сердца сделал! Явился с букетом! Глючит его на животных! Вы идите, молодой человек, я уж с ним сам разберусь!
- Мими потянула меня в сторону, я повиновался и через короткое время очутился в бараке. Утром я проснулся около семи и увидел Антонио, мрачно сидевшего у стола.

– Слушай, Ваня, а у тебя деньги есть? – спросил он.

– Нет, – помотал я головой, – все были у тебя и у Мары. А что случилось?

Антонио почесал затылок:

– Ну... мы того... выпили чуток! Утром проснулись, всего три тысячи рублей в кармане, а ведь сняли несколько кусков в долларах. Смутно помню скака, вроде пять или шесть тысяч!

– Вы пропили такую огромную сумму! – ахнул я. – Всю?!

– Похоже на то, – смутился Антонио.

– Где?

– Не помню!

– Вернулись в бар?

– Это навряд ли.

– Так где спустили выигрыш?

– Ерунда, ща Мара пожрать принесет, – зачастил Антонио.

– Пойду умоюсь, – сказал я и отправился в ванную, провел там четверть часа, вернулся в спальню и увидел, что акробаты уже накрыли на стол.

– Давай, Ваня, – потер руки Мара, – налетай: колбаска, сыр!

– Хорошо, что в баре внезапно погас свет, – вздохнул я, – иначе приключение могло плохо завершиться.

Антонио засмеялся:

– Наивняк! Это подстава. Бармен уже получил свою долю!

– Ну, Ваня, ты влился в коллектив, – засмеялся Мара, – здорово вышло! Если завтра не дадут денег, мы опять игранем.

– Нет, – твердо сказал я, – нельзя заниматься жульничеством. Рано или поздно всех нас поймают и посадят! Я более не участвую в подобных представлениях и вам не советую. Тем более что вы потом напиваетесь до амнезии!

Мара замер с куском у рта, Мими странно хрюкнула, Антонио же грустно сказал:

– Вань, ты не понимаешь! У нас, того, кирдык! Совсем плохо! И денег нет! Мы их пропили!

– Не надо прибедняться, – перебил я акробата, – недавно мне в руки попался журнал, где сообщались гонорары наших певцов. Честно говоря, я испытал удивление: поп-звезды получают по двадцать тысяч долларов за несколько песен!

Мара грустно рассмеялся:

– Эх, Ваня, таких единицы! Остальные за сто баксов неделю поют и пляшут. А цирковые, даже супер-пупер, о таких деньжищах и не слышали. Мы давно в полете! Че имеем, на коллектив трагитим. Тихона кормить надо?

Я кивнул, Мара поднял палец:

– О! Костюмы обновить, бензин для автобуса, квартиру оплатить. Это только начало. Хорошо, если в ноль выходим, а то и минус получается! И еще у нас регулярный облом с площадками!

– Другие артисты ведь выживают? – вырвалось у меня. – Почему же у вас концерты отменяются?

Мара и Антонио переглянулись.

– Жозефину видел? – спросили они хором.

– Да, – кивнул я.

– Она каучук делает, – пояснил Мара, – а ее муж, Федор Трофимов, был у нас импресарио, это типа продюсер.

– Ох, – вздохнул Антонио, – Федька такой ловкий! Из-под земли клиентов находил, и его, как Энди, не кидали. Мы в шоколаде были. По два выступления в день! Даже в Германию ездили. А потом усе лопнуло!

– По какой причине? – удивился я.

– Федька Жозефину в койке с Энди поймал, – шепотом объяснил Мара, – ну и ушел, набрал свой коллектив. Теперь там кассу делает, а нам гадит. Нарочно кислород перекрывает, уже полгода фанерой над Парижем летаем! Федька старается.

– Что же Энди? – возмутился я.

Антонио запихнул в рот кусок колбасы.

– Знаешь, – еле слышно произнес Мара, – Энди суперский акробат, он и нижним может, и верхним, если кто его, конечно, выдержит. Вот только импресарио из него хреновый!

– С людьми договариваться не умеет, – подхватил Антонио.

– Еще орет все время, – дополнил Мара.

– Это от нервов, – оправдал брата Антонио.

– Ваше ему плохо!

– От нас уж четверо ребят убежало! Клоун, наездники и фокусник.

– К Трофимову ушли!

– Остались мы, Костя с медведем и Жозефина!

– Ее Федька не переманит!

– Точно!

– Так и с голоду подохнуть можно!

– Потому мы и химичим в карты.

Братья замолчали, Мими села на кровать, обняла голову лапами и принялась раскачиваться из стороны в сторону.

– Хорошо, родители не дожили, – вздохнул Антонио, – отец бы с ума сошел: Морелли каюк приходит. Одна радость осталась: выпить и забыться!

Я подошел к столу, взял кусок сыра, положил его на хлеб и сказал:

– Спокойно! Никаких бутылок с водкой. Если очень постараться, то вполне можно переломить хребет неудаче. Где Энди? У меня появился гениальный план!

Около десяти утра я приехал по нужному адресу и позвонил в домофон.

– Кто там? – прошептал из пластиковой коробочки женский голос.

– Вчера я беседовал с Натой, – ответил я, – она обещала мне помощь.

– Сейчас открою, – ответили изнутри, но характерного щелчка не послышалось.

Я продолжал стоять на небольшом крыльчке. Вход в Центр помощи «Мария» выглядел немного странно. Створка была цельнометаллической, без всякого намека на ручку. Зато сбоку, в стене, имелось наглухо закрытое окошко, перед ним зачем-то был прикреплен лоток. Ожидание затянулось, я опять потянулся к звонку, и тут дверь распахнулась.

– Вы к нам? – настороженно поинтересовалась пожилая дама в белом халате. – Чем могу служить?

– Вчера ваша сотрудница пригласила меня приехать, – ответил я, – у меня проблема, знаете ли!

Лицо женщины разгладилось.

– Входите, сюда, налево.

На пути вновь возникла створка, на этот раз с матовым стеклом и ручкой. Я повернул бронзовый кругляш и очутился в некоем симбиозе уютной гостиной и кабинета врача. За письменным столом сидела женщина лет пятидесяти, увидев меня, она приветливо улыбнулась:

– Здравствуйте, я Эвелина, садитесь. Что случилось?

– Насколько я понял, вы помогаете женщинам, попавшим в беду? – с места в карьер начал я.

Эвелина покачала головой:

– Не совсем так! Мы подставляем плечо всем, независимо от пола, вероисповедания, расы и возраста. Как вас величать? Если не хотите называть свое настоящее имя, скажите любое, документов я не потребую, но надо же как-то к вам обращаться!

– Майкл, – ответил я.

– Очень приятно. Вы можете спокойно изложить свою проблему, ничто из сказанного не просочится из этого кабинета наружу, – пообещала Эвелина, – я не буду делать никаких записей, просто выслушаю вас, а потом решим, как лучше поступить.

– Не так давно я женился на очаровательной Леночке Чижовой.

– Поздравляю, – кивнула Эвелина, – хорошая семья – это главное для человека.

– Спасибо. Вы правы, – согласился я. – На самом деле я живу в Америке, здесь нахожусь временно, по делам бизнеса. Через некоторое время мы с супругой планируем перебраться в Атланту.

– Человек ищет, где лучше!

– Справедливо. Но возникла одна проблема.

– Какая?

– Э... ну... боюсь, что вы плохо подумаете о Лене.

– Наш принцип никогда не осуждать людей, – мягко сказала Эвелина, – чаще всего человека в угол загоняют жестокие обстоятельства, не следует бросать в него камень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.